

КРИСТИНА
ЮРАШ

ЖЕНА ДРАКОНА

ТЫ НЕ ПОВЕРИЛ МНЕ

ДВАЖДЫ

Кристина Юраш

Жена дракона. Ты не поверил мне дважды

<https://litres.ru/74028951>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда я умирала от боли, мой муж сказал, что я притворяюсь. Он посмотрел не на меня. Он посмотрел на браслет, который вспыхнул красным.

Герцог-дракон не поверил мне. Он поверил фамильному артефакту.

Запер дверь. Уехал на бал. А я умерла.

Теперь я вернулась в чужом теле, чтобы доказать свою правду. Но мой муж считает меня самозванкой, а рядом с ним уже появилась новая невеста.

И чем ближе он подбирается к разгадке моей смерти, тем опаснее становится для нас обоих.

Но сможет ли он поверить мне раньше, чем потеряет во второй раз?

В тексте есть:

- сильная героиня
- смерть
- хладнокровный и упрямый дракон

- второй шанс в новом теле
- драма из-за недопонимания
- ХЭ

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7. Дракoн	34
Глава 8. Дракoн	39
Глава 9. Дракoн	42
Глава 10. Дракoн	46
Глава 11. Дракoн	50
Глава 12	54
Глава 13	58
Глава 14. Дракoн	61
Глава 15. Дракoн	65
Глава 16	68
Глава 17	72
Глава 18	75
Глава 19	78
Глава 20. Дракoн	81
Глава 21. Дракoн	84
Глава 22. Дракoн	87

Глава 23. Дракон	90
Глава 24. Дракон	93
Глава 25. Дракон	96
Глава 26. Дракон	100
Глава 27. Дракон	103
Глава 28. Дракон	107
Глава 29. Дракон	110
Глава 30. Дракон	113
Глава 31. Дракон	116
Глава 32. Дракон	120
Глава 33. Дракон	125
Глава 34	128
Глава 35	133
Глава 36	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Кристина Юраш

Жена дракона. Ты не поверил мне дважды

Пролог

— Ты говоришь, что умираешь, но я же вижу, что ты лжёшь! Драгоценности на твоём браслете вспыхнули красным! Это означает только одно — ложь! Это всегда означало ложь! Меня уже тошнит от твоего вранья, Эрис!

Голос Ильмаара прозвучал ровно, без единой дрожи. Он стоял посреди спальни, высокий, застёгнутый в тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой, которая ловила отблески молний. Его лицо было маской из мрамора — красивым, холодным и непроницаемым. Только одна бровь предательски дёрнулась, выдавая начало раздражения.

Он смотрел не на меня. Он смотрел на моё запястье.

На проклятый артефакт. Семейную реликвию Гарзаров, которую он надел мне в день свадьбы вместе с кольцом. «Чтобы между нами не было тайн», — сказал он тогда, и его пальцы были тёплыми. — «Чтобы я всегда знал: ты со мной честна. Так принято в нашей семье уже много поколений. Все женщины носят этот браслет...»

Теперь этот браслет стал моим приговором.

Тогда он поцеловал мою руку. Сейчас он наблюдал, как меня выворачивает от боли посреди комнаты, где ещё пять минут назад горничные закалывали последние булавки на моём платье.

Я впилась пальцами в живот. Боль не просто резала — она пожирала. Казалось, кто-то запустил внутрь раскалённые клещи и медленно, методично скручивал внутренности, превращая кости в пыль, а кровь — в кипящую воду.

Воздуха не хватало. Каждый вдох давался с хрипом, словно лёгкие заполнились битым стеклом. Слёзы выступили сами собой, горячие и бессильные.

— Эрис! Хватит притворяться.

В его голосе зазвенела сталь. Так говорят с непослушной собакой или капризным ребёнком, который портит настроение перед важным выходом.

— Я понимаю, ты взволнована. Это твой первый королевский бал. Но хватит ломать комедию. Карета ждёт.

— Я... же... сказала... — прошептала я. Голос сорвался, превратившись в жалкий скрип. Боль началась сразу после ужина, тихая, коварная, а теперь она накрыла меня с головой, заглушая разум.

Пальцы побелели, впиваясь в дорогую вышивку корсета. Колени подогнулись. Мир качнулся. Я судорожно схватилась за край туалетного столика, чтобы не рухнуть на ковёр, стоявший больше, чем жизнь простой крестьянки.

— Хватит игр! — раздражение в его тоне стало осязаемым, липким. — Мы опаздываем. На королевский бал не опаздывают. Слышишь меня? Вставай.

Я подняла на него глаза. Пусть посмотрит. Пусть увидит эту серую бледность, этот пот, стекающий по вискам. Пусть поймёт, что его фамильный артефакт лжёт!

Слёзы текли по щекам, смешиваясь с пудрой. Я не могла их сдержать. Боль пульсировала в такт сердцу, с каждой секундой становясь невыносимее, острее, глубже.

— Не могу... — стиснула зубы, чувствуя металлический привкус крови на языке. — Мне больно... Словно внутри всё горит... Я дышать не могу... Доктор... Срочно... Ильмаар, пожалуйста...

Раскат грома заглушил мои мольбы.

За окном бушевала гроза. Не просто дождь, а небесная кара, обрушившаяся на крышу роскошного особняка герцога Ильмаара Гарзара.

Дождь бил в стёкла с такой яростью, будто хотел ворваться внутрь и смыть эту гнилую роскошь. Ветер выл в трубах, словно призраки.

В камине трещали поленья, выбрасывая искры — маленькие, умирающие звёзды, которые гасли, не успев родиться.

По всему дому носились слуги, шурша шёлком и крахмалом, готовя нас к самому главному событию этого года, к королевскому балу.

Бал. Проклятый бал. Меня тошнило от боли, от мысли,

что мне нужно куда-то ехать.

Я ненавидела этот бал уже сейчас. Ненавидела запах лака для обуви, которым натирали сапоги Ильмаара. Ненавидела звук ножниц, отрезающих лишние нити с моего платья. Ненавидела короля, придворных, всю эту гнилую роскошь, которая требовала нашего присутствия именно сегодня.

Именно тогда, когда мне было так больно и страшно.

Так, как бывает страшно только перед смертью. Именно тогда, когда я почувствовала приближение конца.

— Послушай... — мой голос прозвучал тихо, почти исчеза в шуме грозы. — Я не лгу.

Словно силы покидали меня, утекая сквозь пальцы вместе с надеждой.

— Тогда почему браслет показывает обратное?

Ильмаар резко шагнул вперёд. Его рука, сильная и жёсткая, схватила моё запястье.

Его пальцы были не просто горячими — они обжигали, словно раскалённый металл. Кожа на его ладони казалась слишком плотной, шершавой, будто покрытой незримой чешуёй. От этого прикосновения по моей руке пробежала дрожь, но не от холода, а от первобытного ужаса, который шептал: «Беги, он не человек».

Он ткнул мне в лицо украшением.

Камни пылали. Кроваво-алым, пульсирующим светом.

— Не знаю! — крик вырвался из меня, рваный и дикий. Слезы обожгли глаза, кислые и горячие. — Не знаю, Ильма-

ар! Я не понимаю, что происходит! Мне просто...

Голос раскололся на осколки.

— Мне страшно... Доктора... Прошу тебя...

Он резко отпустил руку. Моё запястье бессильно шлёпнулось о столешницу. Эта боль от ушиба была ничтожной каплей в океане агонии, которая разрывала меня изнутри.

Ильмаар провёл рукой по волосам, сбивая идеальную укладку. Я знала этот жест. Так он делал, когда внутри кипела ярость, которую он не смел выплеснуть на публике.

— Мне это начинает надоедать, Эрис. — Слова звучали чётко, как удар хлыста. — Ты хочешь опозорить семью Гарзар перед королём? Устроить истерику? Этот... театр?

— Я говорю правду, — прошептала пересохшими губами. Вспышка.

Камни на браслете озарили комнату багровым светом. Лицо Ильмаара исказилось, тени легли глубоко в глазницы, делая его похожим на демона.

Он увидел это. И я увидела, как меняется его лицо. Сначала усталость. Потом раздражение, острое, как битое стекло. И в самом конце... недоверие. Холодное, липкое, абсолютное.

— Ладно. — Он выпрямился, одергивая манжету. Стряхнул невидимую пыль с плеча. — Я подожду, пока ты тут «помираешь». А потом вытрёшь слёзы, припудришь лицо, и мы поедем.

Его взгляд скользнул по мне сверху вниз. Высокомерный.

Оценивающий. Сейчас он смотрел на меня, как на вещь, которая плохо лежит на полке.

Именно этот взгляд сломал меня. Колени подогнулись. Я рухнула на них, сминая шёлк платья, которое шили три дня. Сил стоять не осталось.

— Я умираю... — прошептала я, и в этом шёпоте не было драмы. Была только констатация факта.

Скрипнула дверь. Тихий, робкий голос дворцового Харджеса вторгся в наш разговор:

— Господин... а что, если ей действительно плохо? Может, позвать лекаря? Госпожа очень бледна...

Ильмаар резко обернулся.

— Она? Нездорова?!

Его прорвало. Маска спокойствия треснула, обнажая звериную злость.

— Посмотри на неё, Харджес! Посмотри на эту комедию! Она смешна! Она переигрывает! — Его голос звенел насмешкой. — Ей не стыдно! Ни капли! Она просто не хочет ехать на бал!

Он начал ходить вокруг меня, как коршун вокруг добычи. Но это была не походка человека. Его тело двигалось с неестественной, хищной плавностью. Воздух вокруг него сгустился, насыщенный запахом озона и разогретого камня.

— Женский каприз! Истерика! Я не знаю, что у неё в голове, но я знаю одно: она лжёт! Он хлопнул в ладоши, и звук прозвучал как выстрел. — Браво, дорогая! Из тебя вышла бы

великолепная актриса. А теперь вставай! Нужно поправить платье. Хотя...

Он взглянул на часы на стене. Тиканье маятника отмеряло каждую секунду моей агонии.

— Времени нет. Мы опоздали. Придётся ехать так.

Я подняла на него взгляд. Лучше бы не поднимала. В его тёмных глазах сиял триумф следователя, поймавшего преступника с поличным.

— Смотри, Харджес, — процедил Ильмаар, обращаясь к слуге, но глядя на меня. — Ты знаешь эту вещь. Её носила моя мать. Бабушка. Прабабушка. Она никогда не ошибается.

Он склонился надо мной. Его лицо было близко. Слишком близко. Я чувствовала запах его одеколона — ветивер и холод.

— Тебе плохо? — спросил он. И в голосе вдруг проскользнули ласковые, почти нежные нотки. Ловушка.

— Да, — простонала я. Ледяной пот покрыл кожу. Меня трясло так, что зубы стучали.

— Полюбуйся, Харджес! Красный! — рявкнул Ильмаар, и нежность исчезла, сменившись отвращением. — Она лжёт! Ломает комедию! Ладно! Иди! Нашей великой актрисе нужны зрители! И пусть никто не входит, пока я разбираюсь с этой врушкой!

Браслет просто издевался.

Я схватила запястье другой рукой, пытаюсь закрыть свет, спрятать предательские камни. Но багровое сияние проби-

валось сквозь пальцы, окрашивая кожу в цвет запекшейся крови.

— Да что с тобой не так?! — беззвучно закричала я. В этом крике была вся моя боль, весь ужас непонимания.

Глава 1

Камни медленно, неохотно погасли. Теперь они были не огненными рубинами, а прозрачными бриллиантами.

Но я уже чувствовала, как внутри всё рушится. Фундамент нашего брака, построенный на доверии, рассыпался в прах.

Ильмаар подошел и рывком поставил меня на ноги, схватив за плечо. Его пальцы впились в мясо.

— Всё! — ледяным голосом произнес он. — Заканчивай представление! Слышишь меня?

Он схватил со стола платок и начал грубо размазывать мои слезы по лицу. Ткань терла кожу, стирая макияж, оставляя красные полосы.

— Ты делаешь всё, чтобы привлечь внимание! — рычал он, и в этом рыке было столько презрения, что мне захотелось завыть. — Тебе мало внимания, Эрис? Мало?

Этот звук шел не из горла, а из самой груди, низкий и вибрирующий. Я почувствовала его всем телом — вибрация прошла через пол, через подошвы моих туфель и ударила в кости, заставляя зубы стучать сильнее. Это был звук, предназначенный для того, чтобы парализовать жертву страхом.

— Просто поверь мне, — тихо попросила я. Голос сорвался. Я судорожно схватилась за его руку, заглядывая в его глаза. — Пожалуйста. Поверь... Не браслету... Мне...

Ильмаар тяжело выдохнул. В этом звуке было столько разочарования, словно я разбила любимую вазу его матушки.

— Я попробую доказать, что браслет... сломался, — прошептала я, давясь слезами. — Что он лжет...

Он нахмурился, глядя на мои руки, затем на мое лицо. На секунду мне показалось, что он согласится. Что он увидит мою дрожь, мои расширенные от ужаса зрачки, мою смертельную бледность. Что он выберет меня, а не родовую магию.

Но его взгляд снова скользнул к браслету. К тому месту, где кожа еще сохраняла следы красного жара.

Он бросил платок на пол и отпустил меня.

Я едва удержалась, опираясь рукой о кровать. Руки дрожали. Силы были на исходе.

Ильмаар отвернулся, поправляя манжету. Движение было резким, нервным. И я всё поняла. Он уже принял решение.

Он уже выбрал артефакт. Объективную, магическую истину. Не меня.

— Ты желаешь проверки? Хорошо. Сейчас проверим.

Я закрыла глаза. На секунду позволила себе поверить, что смогла его убедить. Что всё будет хорошо.

— Эрис...

Его голос прозвучал рядом, у самого уха. Мягкий. Почти нежный.

Я с трудом открыла глаза, вынырнув из боли. Надежда

вспыхнула слабым, жалким огоньком.

— Ты любишь меня? — спросил он, глядя не мне в глаза, а на браслет.

Я растерялась. Станный вопрос. В такой момент. Меня трясло, сердце колотилось где-то в горле, не давая вдохнуть.

— Ответь. По-настоящему. Без лжи.

Я улыбнулась сквозь слезы. Искренне. Отчаянно. Чувствуя, как облегчение размывает боль.

— Конечно люблю, Ильмаар. Больше жизни.

Я вспомнила, как раньше браслет вспыхивал мягким зеленым светом, когда мы были счастливы.

На секунду я закрыла глаза, и мир погас.

Камни на браслете взорвались ослепительно-багровым светом. Ярче, чем раньше. Болезненнее. Жар обжег запястье, оставив реальный ожог.

Ильмаар отдернул руки, словно обжегся сам.

Его лицо исказилось не болью.

Отвращением.

— Нет! — закричала я, зажимая браслет рукой. — Нет, я не лгу! Я люблю тебя! Браслет... Он... он сломан...

— Вот видишь, — прошипел он.

В его глазах больше не было сомнения. Была лишь ледяная, окончательная уверенность человека, который поймал предателя с поличным.

— Ты лжешь даже в этом. Даже когда говоришь о любви.

Глава 2

Багровое свечение не просто погасло. Оно впиталось в кожу, оставив после себя фантомный жар, который пульсировал в такт моему бешеному сердцу.

Но хуже света была тишина. В ней тонули звуки грозы за окном, треск догорающих поленьев и мой собственный хриплый вдох.

Ильмаар стоял надо мной, не двигаясь.

Я смотрела на него снизу вверх, и мир сузился до силуэта его фигуры на фоне вспыхивающей молнии. Его лицо не выражало гнева. Гнев был бы живым. Гнев можно было бы понять, с ним можно было бы спорить. Нет, в его глазах застыло нечто худшее. Разочарование. Холодное, стерильное, окончательное. Так смотрят на испорченную вещь, которую уже нельзя починить, только выбросить.

Воздух застрял у меня в горле, превратившись в колющий ком.

Боль в животе отступила на второй план, заглушенная ледяным ужасом. Этот ужас парализовал нервы, замораживая кровь в венах быстрее, чем любой яд.

— Нет... — выдохнула я. Слово сорвалось с губ, едва слышное, жалкое. — Ильмаар, подожди...

Он посмотрел на меня так, будто видел впервые. Не Эрисалию, девушку, которую он четыре месяца назад выбрал из

сотен кандидаток. А чужое, непонятное существо, чья природа вызывала у него отвращение.

— Ты хочешь, чтобы я подождал? — спросил он. В его тоне не было вопроса. Была усталость человека, который слишком долго играл в одну и ту же игру. — Хочешь еще что-нибудь придумать? Сценарий получше?

— Я ничего не придумываю! — Крик вырвался сам собой, рваный и болезненный.

От напряжения мышцы живота скрутились в узел. Новая волна боли ударила под ребра, заставив меня согнуться. И тут же, в ответ на этот крик, камни на запястьях вспыхнули короткой, злой алой вспышкой. Предупреждение. Ложь.

Ильмаар усмехнулся. Уголок его губ дернулся, обнажив белые зубы, которые в полумраке показались мне клыками хищника.

Но страшнее зубов были его глаза. В вспышке молнии мне показалось, что его зрачки сузились, превратившись в вертикальные щели. Темные, бездонные провалы, в которых не осталось ничего человеческого. Только холодный расчет и голод.

— Разумеется, — прошептал он.

Он резко развернулся, спрятав лицо в ладонях. Его плечи поднялись от тяжелого, мучительного вдоха и медленно опустились.

Когда он опустил руки, в его глазах плясала гордая, злая боль.

— Кто бы мог подумать. Мы женаты почти четыре месяца. И вот оно. Ты разлюбила меня на четвертый месяц. Хотя перед алтарем клялась в вечной верности.

Он не сдержался. Одним резким движением руки он смахнул с туалетного столика флаконы с духами, серебряную шкатулку с пудрой, гребень из слоновой кости.

Его рука метнулась с такой скоростью, что я едва успела моргнуть. Стол дрогнул и треснул под напором его силы, ножки скрипнули, словно переламываясь. Флаконы взорвались, рассыпав осколки во все стороны, словно от удара взрывной волны.

Ильмаар даже не посмотрел на разрушение. Его грудь тяжело вздымалась, а из ноздрей вырывались короткие, резкие выдохи, похожие на пар.

Я схватилась за браслет второй рукой. Пальцы дрожали так сильно, что ногти царапали золотую оправу, оставляя микроцарапины на металле. Мне хотелось сорвать эту проклятую вещь, швырнуть в камин, разбить молотком. Но застежка была магической, неразрывной, частью моей плоти. Она впилась в кожу, словно корни дерева.

— Он сломан, — прошептала я. Голос звучал хрипло, как скрежет камня о камень.

подсвечниках затрепетали и погасли, не выдержав давления воздуха. Этот звук был нечеловеческим. Он вибрировал в костях, заставляя сердце биться с перебоями.

— Тогда объясни! — Крик вырвался истерично, рвано. — Объясни, почему он называет ложью мою любовь! Почему он горит, когда я говорю правду!

На секунду маска дрогнула. Тень сомнения? Или просто раздражение от моего тона? Муж моргнул, и взгляд снова стал стеклянным, непроницаемым.

— Объясню, — сказал он медленно. Шагнул ближе. От него пахло ветивером, холодной кожей и чем-то металлическим, как кровь. — Ты просто лжешь. Он чувствует диссонанс между тем, что ты говоришь, и тем, что есть на самом деле.

У меня внутри что-то оборвалось. Тонкая нить, державшая рассудок на месте.

— Значит, он ошибся впервые!

— Удобно, — кивнул муж, глядя на мое лицо с высоты своего роста. Его пальцы скользнули по моей щеке, оставляя ледяной след. — Очень удобно для тебя. А знаешь, Эрис, я, в отличие от отца, не заставлял тебя носить его постоянно. Я дал тебе свободу. Доверие. А ты врала мне. Все это время. Врала о любви.

Он резко отдернул руку, словно обжегся. Отвернулся и зашагал по комнате. Сапоги глухо стучали по паркету, отмеряя ритм моего приближающегося конца. Он остановился у ка-

мина, спиной ко мне. За дверью, сквозь толстые дубовые панели, доносились приглушенные голоса слуг. Суета. Подготовка. Карета уже ждала. Король не любил опоздавших. Он считал это личным оскорблением.

Шпильки впивались в кожу головы. Корсет давил на ребра, не давая сделать полный вдох. А внутри, в животе, разворачивалась война. Что-то рвало ткани, жгло слизистые. Мне казалось, что я медленно умираю, кусок за куском, пока мой муж обсуждает эстетику моей лжи.

— Давай проверим, — выдохнула я, цепляясь за последний шанс. Мне казалось, что я схватила смерть за рукав, умоляя дать мне еще немного времени.

Глава 4

Ильмаар обернулся. Бровь поползла вверх. Он смотрел на меня с недоверием, словно я предложила ему выпить яд.

— Раз ты веришь металлу больше, чем мне, давай проверим! — простонала я и с трудом подняла руку. Она тряслась, камни тихо звякнули друг о друга, издав мелодичный, насмешливый звук. — Простые вопросы. Факты. То, что нельзя исказить.

Он молчал. Долго. Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

Он подошел ближе. Слишком близко. В его глазах плескалась усталость. И злость. И страх. Да, страх. Он боялся оказаться неправым. Боялся, что мир, в котором он жил — четкий, понятный, разделенный на черное и белое, — рухнет.

— Сколько будет два плюс два? — спросил он, насмешливо глядя на камни.

— Четыре, — прошептала я, подавляя кашель.

Камни вспыхнули мягким, ровным зеленым светом. Изумрудным. Безупречным.

Я замерла. Не от облегчения. От холода, который прошел по позвоночнику.

— Сейчас ночь? — в голосе Ильмаара звенел лед.

— Да, — простонала я, чувствуя, как стучат зубы.

Снова вспышка. Снова зеленый.

— Сегодня королевский бал?

Теперь в его голосе была неприкрытая насмешка. Он видел, как браслет раз за разом подтверждает очевидное.

— Да, — едва слышно выдохнула я. Перед глазами начало темнеть. Но даже сквозь надвигающуюся тьму я видела, как камни превращаются в сияющие изумруды.

Тишина стала плотной, осязаемой. Ее можно было резать ножом. Я смотрела на свое запястье. На эти безупречные, сияющие камни. С простыми вопросами они работали. Идеально.

Если он не сломан... почему моя боль для него — ложь? Почему мои чувства — ложь?

Ильмаар побледнел. Торжество исчезло с его лица, сменившись растерянностью. Он тоже понял. Система работала. Значит, проблема была во мне.

— Вот и проверили, — припечатал он. Он потрянул головой, глядя на меня как на мерзкое насекомое, осмелившееся проползти по его начищенным сапогам.

Я заставила себя поднять подбородок. Боль накатывала волнами, тошнота подступала к горлу.

— Мне больно... Мне страшно... — прошептала я, чувствуя, как меня начинает трясти.

Красный. Яркий, агрессивный, режущий глаза.

Я вздрогнула, чувствуя, как ненавижу эти камни. «Кто-то испортил браслет!» — пронеслось в голове, словно выстрел. Ильмаар сжал челюсть.

Вены на его шее потемнели, став почти черными, будто по ним текла не кровь, а расплавленная лава или яд. Они пульсировали в такт его гневу, создавая жуткий рисунок на бледной коже.

— Я не хочу ехать на бал, — прошептала я, судорожно глотая воздух. Во рту появился вкус меди.

Зеленый. Свет озарил наши лица, придавая им мертвенный, неземной оттенок. Это была правда. Я действительно не хотела. Не могла. Не сейчас.

— Вот, — сказал он. В его голосе прорезались опасные нотки. Триумф следователя, нашедшего улику. — Наконец-то.

— Что наконец-то? — прошептала я, закрывая глаза. Мне казалось, что так будет легче умереть.

— Правда! — едва ли не выкрикнул муж.

— Ильмаар, я не хочу ехать, потому что мне плохо! — скороговоркой прошептала я, угасая.

Я закрыла рот ладонью. Камни пылали алым, нагревая кожу до ожога. Я знала: если я сейчас сдамся, потеряю сознание, ничто не поможет доказать правду. Даже если я упаду замертво, его уже ничто не убедит.

Ильмаар смотрел на них, словно получал подтверждение своей теории.

— Значит, дело не в болезни.

Я не знала, к чему он клонит. Но в его голосе была та самая нота, когда человек уже знает «правду» и медленно, с

наслаждением подводит тебя к ней.

— Дело в болезни! — прошептала я, понимая, что проигрываю.

Красный. Снова вспышка. Снова красный.

— Прекрати... — взывала я, не выдерживая боли.

Он сделал шаг назад. Провел ладонью по лицу, стирая невидимую маску. Я видела, как он пытается сложить пазл. В его глазах начала рождаться мысль. Страшная. Оформленная.

— Ты что-то скрываешь от меня?

Вопрос прозвучал так резко, что мне показалось, каждое слово впивается в меня, как невидимая стрела.

— Нет!

Я ахнула. Воздух вырвался из легких со свистом, когда камни издевательски вспыхнули алым.

Нет. Этого не может быть. Я ничего не скрывала. Ничего. Кроме ужаса перед ним. Кроме боли, которую он отрицал. Кроме того, что я сама не понимала, что происходит с моим телом.

Но браслет уже вынес приговор.

Глава 5

Ильмаар медленно опустил взгляд на мое запястье.

— Значит, скрываешь.

— Нет, — прошелестел мой голос.

— Браслет говорит обратное, — слышался голос совсем рядом.

— Да будь он проклят! — закричала я и дернула рукой, пытаюсь сорвать украшение. Застежка не поддалась. Пальцы скользнули по горячим камням. Кончики пальцев обожгло, словно в наказание.

— Не трогай его! — резко приказал Ильмаар. — Я хочу узнать правду! Я хочу понимать, что ты скрываешь!

Он схватил меня за запястье. Его пальцы были горячими, сильными, железными. Мои — ледяными, беспомощными.

— Ты кого-то ждешь? — спросил он, и в голосе слышалось что-то плавное и зловещее. Как бархат, которым оборачивают стальные зубья капкана.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Нет, — сквозь зубы прошептала я. — Нет, я никого не жду.

Красный. Мир пошатнулся. Пол ушел из-под ног.

Ильмаар тоже замер. Я видела, как что-то в нем ломается. Окончательно. Он усмехнулся. Тихо. Страшно.

— Браслет считает иначе.

— Он лжет! — Слова долетали до меня, словно издалека. Все остальное превратилось в сплошную боль.

— Только что ты сама доказала, что он работает!

Эта фраза ударила сильнее пощечины. Я сама. Да. Я сама загнала себя в угол. Я сама дала ему оружие.

Ильмаар склонился ближе. Его дыхание обожгло мне щеку. Теперь голос его был ласковым и вкрадчивым, словно он пытается вывести секрет у ребенка.

— Ты договорилась сегодня с кем-то встретиться?

— Нет.

Я перестала дышать. Потому что поняла: что бы я ни сказала, он поверит артефакту. Не мне. Ему. Мертвому металлу, который питается моим отчаянием.

Муж смотрел прямо в глаза. Жестоко. Беспощадно. И, кажется, сам ненавидел вопрос, который собирался задать. Ненавидел даже самую необходимость его задавать.

— Ты ждешь любовника? Не так ли? Вы с ним договорились, что ты прикинешься больной, я уеду, а ты встретишься с ним?

Ильмаар сжал мою руку так, что кости хрустнули.

— Нет! Это ложь! У меня нет любовников! — зарыдала я.

Его лицо стало каменным, когда браслет вспыхнул красным. Глаза мужа горели. Не просто гневом. Ревностью. Оскорбленной гордостью. Ударом по эго, который он не мог простить.

Я зажала рот ладонью. Если я скажу еще слово, браслет

снова предаст меня. Молчание было единственным, что он пока не мог интерпретировать.

Ильмаар смотрел на меня. На мое бледное, мокрое от пота лицо. На растрепанные волосы. На платье, скомканное падением. И я видела, как он складывает невозможное в единственную понятную ему картину.

Муж сделал шаг назад. Словно я стала грязной. Заразной. — Любовник, — повторил он тихо. Без крика. Без эмоций. Просто констатация факта, который теперь стал для него единственной истиной.

Он медленно разжал пальцы на моем запястье, словно боялся испачкаться. Отступил на шаг. Выпрямился. Поправил манжету, хотя там не было ни складки.

— Я выбрал тебя из сотен, Эрисалия. Я дал тебе имя Гарзар. Дом. Статус. А ты... — Он усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого крика. — Ты решила, что можешь играть в свои игры у меня за спиной? Думала, я слепой? Или просто глупый?

— Ильмаар, послушай... — начала я, но голос предательски дрогнул.

— Молчать.

Это слово прозвучало как выстрел. Он не повышал тона. Ему это было не нужно.

— Ты остаешься здесь. — Он кивнул на дверь. — В этой комнате. До моего возвращения.

— Ты не можешь запереть меня! Мне плохо! — попыта-

лась я возразить, но новая волна боли скрутила живот, и я согнулась пополам.

Глава 6

Ильмаар даже не дрогнул. Он подошел к двери, открыл её и махнул рукой стоящему в коридоре Харджесу.

— Запереть. Ключ — мне. — Его голос был ледяным. — Если госпожа будет кричать — игнорировать. Если кто-то попытается к ней попасть — разрешаю применять силу. Никого к ней не пускать. Ни врачей, ни служанок, ни гостей.

Харджес побледнел, но кивнул.

— Но, господин, она...

— Она лжет, Харджес, — отрезал Ильмаар, глядя прямо на меня. В его глазах не было ни капли любви. Только холодная ярость оскорбленного самца. — А обманщицам врачи не нужны. Сейчас она перестанет ломать комедию, успокоится, а утром я с ней поговорю. И, видимо, разговор будет о разводе.

Ильмаар уже стоял в дверях. Его рука лежала на тяжелой дубовой ручке, пальцы побелели от напряжения.

Я подняла голову. Сил кричать больше не было. Голос вышел тихим, хриплым, но каждое слово было выстрадано каждой клеткой моего тела.

— Если ты сейчас уйдешь... я могу умереть.

И в этот момент, когда вспышка молнии осветила коридор за его спиной, я увидела это.

Его тень на стене.

Она не повторяла контуры человеческого тела. На мгновение, всего на одно сердцебиение, тень расправила огромные крылья, которые закрыли собой весь проем двери.

Я ахнула, протирая глаза.

Но когда я посмотрела снова, передо мной стоял просто высокий мужчина в темно-синем камзоле. Обычный. Холодный. Чужой.

На одно короткое мгновение. Тень колебания? Или просто пауза перед финальным ударом?

Потом он медленно, почти лениво перевел взгляд на мое запястье.

Камни вспыхнули.

Ярко. Агрессивно. Кроваво-алым светом.

Муж смотрел на меня, словно я пытаюсь надавить на жалость, которой у него больше нет.

Ильмаар молча шагнул за порог.

Дверь начала закрываться. Тяжело, неумолимо, отсекая меня от мира, от света, от надежды. Щелчок замка прозвучал как точка в разговоре. А поворот ключа — как приговор.

И сквозь толстое дерево тихо, но отчетливо донесся его голос. Холодный. Безразличный. Окончательный.

— Делай что хочешь.

Я осталась одна. В темноте. С горящим красным браслетом, который теперь казался проклятым.

Снаружи слышались удаляющиеся шаги. Тяжелые. Уверенные.

Внутри меня всё еще горело. И я понимала: если я не выясню, почему браслет лжет, я умру здесь. Запертая. Опозоренная. Одна.

Глава 7. Дракон

Карета покачивалась, вписываясь в каждую выбоину мокрой мостовой. Этот ритмичный, убаюкивающий стук колес о брусчатку обычно действовал на меня успокаивающе.

Порядок. Предсказуемость. Контроль.

Сегодня же каждый толчок отдавался в висках тупой, пульсирующей болью.

Я сидел один. Напротив — пустота.

Бархатная обивка сиденья, еще хранящая едва уловимый след ее веса, казалась мне сейчас оскорбительной. Пустое пространство кричало громче, чем любые обвинения.

За окном плыл размытый мир. Дождь не просто шел — он бился в стекла, оставляя длинные, искаженные серебристые шрамы, через которые фонари казались не источниками света, а слезящимися глазами города.

Каждый прохожий, спешащий под зонтом, каждая карета, проносящаяся мимо, были частью той лжи, которую я теперь видел повсюду.

Эрисалия любила смотреть в это окно.

Я помнил, как она прижималась лбом к холодному стеклу, запотевшему от ее дыхания, и с детским восторгом комментировала жизнь за пределами наших стен.

— Смотри, Ильмаар! Тот господин в сером плаще бежит так, будто за ним гонится стража! А та дама... Она улыбается

фонарю. Ты видел? Она ему улыбается! Мне кажется, что она кого-то ждет и немного влюблена.

Я тогда фыркал. Называл это глупостью. Женской сентиментальной чепухой, недостойной внимания герцога Гарзара. Но при этом я слушал ее. Мне нравился звук ее голоса, ее оживленность, ее блеск в глазах, словно она видит этот мир впервые.

— Люди просто идут по своим делам, Эрис, — обычно отвечал я, понимая, что за пятьдесят лет этот мир уже успел мне порядком надоесть.

— И вот опять ты ворчишь! — вздыхала она. — Интересно, все драконы ворчат? Или только старые?

— Я? Старый? — удивлялся я, ловя ее и прижимая к себе.

Она смеялась. Легко, звонко, словно колокольчик, разбивающий мою ледяную серьезность. Этот смех был единственным звуком, который мог растопить лед в моей груди.

Или так мне казалось.

Теперь напротив меня была только темнота салона и мое собственное отражение в стекле.

Я резко отвернулся. Смотреть на пустоту было невыносимо. Она давила на глаза, требовала ответов, которых у меня не было.

Хватит.

Мысль пришла сухо, словно я сломал пополам сухую ветку.

Достаточно! Я мужчина. Я глава рода. Я не имею права

сомневаться в том, что видел своими глазами.

Я поднял руку и посмотрел на свои пальцы. Они были чистыми. Но мне казалось, что под ногтями осталась грязь. Грязь ее лжи.

Браслет.

Фамильная реликвия. Триста лет безупречной службы. Моя мать носила его всю свою жизнь. И ни разу такого не было, чтобы она солгала. Его носила моя бабушка, не снимая никогда.

Я вспомнил семейное предание об этом браслете. Когда-то давно один мой предок решил жениться. И выбрал себе невесту. Она была всем хороша, и он любил ее. Я не знаю, была ли она истинной или нет. Истинность давным-давно не проявляла себя в нашем роду, но факт остается фактом — несколько лет они были счастливы. Точнее, он так думал. Его матушка кое-что узнала про молодую жену. И попыталась рассказать об этом сыну. Но он не захотел слушать. И тогда она предложила ему прибегнуть к магии. Так в нашем роду и появился этот браслет.

Он быстро вывел на чистую воду молодую неверную жену. И с тех пор передавался из поколения в поколение, став чем-то вроде обручального кольца.

Дракон отдает любимой всё, а взамен просит лишь честность. Эта надпись выгравирована на шкатулке, в которой браслет дожидается новую хозяйку.

Я вспомнил, как мои пальцы скользили по этим буквам,

как я думал над тем, а стоит ли продолжать эту традицию. И тогда я понял. Если я готов отдать всё, что у меня есть ради нее, то почему бы и нет?

И сегодня браслет загорелся красным.

«Ты ждешь любовника?»

Вопрос повис в воздухе спальни. “Нет!”, — прозвучал ее голос. Красная вспышка была громче любого крика. Она подтвердила худшее. Браслет указывал именно на это. Все ответы вели именно туда.

Почему же мне не стало легче, когда я узнал правду?

Почему вместо торжества справедливости я чувствовал эту тошнотворную пустоту в желудке?

Я сжал кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Боль была реальной. Осязаемой. В отличие от той комедии, которую она разыгрывала передо мной последние четыре месяца.

«Мне больно... Ильмаар, пожалуйста...»

Ее голос звучал в голове, хриплый, полный отчаяния. Глаза, широко раскрытые, полные слез. Дрожащие руки.

Актерская игра.

Я вспомнил, как она смотрела на меня, когда я спросил о любви. «Конечно, люблю, Ильмаар. Больше жизни».

И браслет вспыхнул так ярко, что мне самому стало больно смотреть.

Ложь. Всё было ложью. Ее нежность, ее смех у окна, ее клятвы у алтаря. Все это было декорацией для чего-то дру-

кого. Для кого-то другого.

Кто он?

Глава 8. Дракон

Эта мысль вгрызалась в мозг. Кто этот тип, ради кого она готова была унижаться, притворяться умирающей, рисковать репутацией семьи Гарзар? Какой ничтожный щенок смог затмить меня?

Карета резко дернулась, проезжая через глубокую лужу. Вода хлестнула по днищу, заглушив мои мысли на секунду.

Я выглянул в окно. Мы подъезжали к дворцу. Огромное мрачное здание вздымалось над городом, как каменный монстр, пожирающий свет. Окна бального зала сияли золотом, приглашая, требуя присутствия. Король ждал. Весь цвет аристократии ждал появления четы Гарзар.

А моя жена осталась дома.

Я должен был чувствовать удовлетворение. Я поступил правильно. Я защитил честь рода. Я не позволил лгунье появиться при дворе, где каждое ее слово могло стать скандалом.

Но почему образ ее бледного, искаженного болью лица до сих пор не выходит у меня из головы?

«Если ты сейчас уйдешь... я могу умереть».

Ее слова эхом отдавались в тишине кареты.

Глупость. Манипуляция. Браслет доказал, что это ложь. Она не умрет. Она здорова. Она просто не хотела ехать. Потому что ждала его.

Я провел рукой по лицу, стирая воображаемую пыль. Кожа была холодной. Внутри кипела ярость, но она была какой-то странной. Не чистой, как сталь клинка, а мутной, липкой, смешанной с чем-то, что я отказывался называть.

Страх?

Нет. Герцоги Гарзары не знают страха. Мы знаем только долг и честь.

Но что, если браслет...

«Нет», — оборвал я себя мысленно.

Даже думать об этом было опасно. Сомневаться в артефакте — значит сомневаться в самом фундаменте моего мира. Если браслет может лгать, то что тогда реально?

Моя жизнь за последние четыре месяца превратилась в фарс. И я был главным шутком в нем. Посмешищем.

Карета остановилась. Дверца открылась, впуская внутрь сырой, холодный воздух и шум толпы.

— Ваше сиятельство, — голос кучера дрожал от почтения и страха перед непогодой.

Я вышел, не дожидаясь помощи лакеев. Сапоги хрустнули по мокрому гравию. Дождь мгновенно промочил плечи камзола, но я не почувствовал холода. Внутри меня горело. Медленно, тихо, уничтожая все, что осталось от влюбленного мужа, которым я был час назад.

Я поднял голову, глядя на освещенные окна дворца. Там была музыка. Смех. Жизнь.

А здесь, в темноте, под проливным дождем, я стоял один.

Я поправил манжету, скрывая дрожь пальцев.

Пусть она сидит в своей комнате. Пусть ждет. Когда я вернусь, мы поговорим. Я даже подумываю проверить браслет. Хотя эта мысль казалась мне глупостью. Проверить браслет означало лишь то, что я хочу верить в ее правду. Что я настолько люблю ее, что не могу принять тот факт, что я ей совершенно безразличен.

Я усмехнулся, понимая, что сейчас напоминаю глупую дебютантку, которая в сотый раз подряд просит гадалку погадать на жениха, задавая один и тот же вопрос. И она не успокоится, пока не получит именно тот ответ, который ей понравится.

Я шагнул вперед, в свет, оставляя позади тень кареты и воспоминание о женском смехе, который теперь казался мне самым страшным звуком на свете.

Глава 9. Дракон

Во дворце было слишком шумно.

Музыка давила на уши, тяжелая и навязчивая, как запах дешевых духов в переполненной комнате. Смех резал слух — визгливый, фальшивый, многоголосый хор лицемеров. Голоса сливались в единый гул, похожий на жужжание огромного сытого насекомого.

Толпа была для меня не сборищем людей, а стадом. Шумным, слепым стадом, которое я мог бы растерзать одним движением, если бы позволил себе потерять контроль.

Поклоны. Улыбки. Поздравления.

Я отвечал механически. Кивал. Улыбался уголками губ, не задействуя глаза. Не слушал. Не запоминал лиц. Для меня они все были одинаковыми: размытые пятна в бархате и шелке, маски, скрывающие пустоту или злобу.

Первый вопрос прозвучал спустя две минуты после моего появления.

— А где герцогиня?

Разумеется.

Я даже не удивился. Вопрос висел в воздухе с той самой секунды, когда я переступил порог зала. Отсутствие Эрисалии было заметнее, чем ее присутствие. Она была украшением, экспонатом, доказательством моего статуса. Без нее я был просто мужчиной в дорогом камзоле. С ней — герцогом

Гарзаром, обладателем идеальной жизни.

— Осталась дома, — произнес я. Голос звучал ровно, сухо.

— Заболела?

Глаза собеседника блеснули любопытством. Хищным, нездоровым интересом.

— Да.

Ложь неприятно царапнула изнутри. Горький привкус на языке. Я никогда не любил лгать. Ложь для меня была знаком слабости, инструментом тех, кто не мог добиться своего силой или правом. Но объяснять происходящее каждому придворному идиоту я не собирался. Пусть думают что хотят. Пусть строят догадки.

— Жаль.

Жаль.

Если бы они знали, насколько. Если бы они видели тот красный свет, который выжиг мне сетчатку. Если бы слышали этот крик в моей голове: «Не оставляй ее одну!», когда я поворачивал ключ в замке.

Второй вопрос. Третий. Четвертый.

«Надеюсь, ничего серьезного?»

«Передайте ей наши пожелания скорейшего выздоровления.»

«Какая досада, мы так хотели видеть ее в новом платье.»

К концу первого часа мне хотелось придушить любого, кто произнесет имя моей жены. Или хотя бы намекнет на

нее.

Нашу пару не обсуждал только ленивый. Слишком красивый союз. Слишком удачная свадьба. Слишком идеальная картинка, чтобы она оказалась правдивой. Люди любят наблюдать за чужим счастьем. Им нравится верить, что оно возможно. Но еще больше они любят смотреть, как оно разрушается. Как трескается фасад. Как из-под позолоты проступает гниль.

— Вы слышали новость? В Нижнем Городе какая-то безумная устроила пожар! Она подожгла собственный дом из-за того, что ее бросил жених! Огонь перекинулся на дома соседей, и его едва успели потушить! Могла сгореть вся столица! — слышал я восторженный женский голос за спиной.

— Меня не интересуют дела бедняков, — фыркнул еще один голос. — Куда интересней, почему не приехала герцогиня...

И я чувствовал их ожидание. Они ждали трещины. И я дал им ее, приехав на бал в гордом одиночестве.

— Ты выглядишь так, словно собираешься кого-то убить. Голос раздался рядом. Низкий, спокойный, с легкой хрипотцой старого курильщика.

Я обернулся.

Ламонт.

Дядя Миреллы. Высокий, сутулый от возраста, но сохраняющий странную, хищную грацию. Седые волосы зачесаны назад, лицо покрыто сетью морщин, каждая из которых

казалась шрамом от прошлых интриг. Безупречно одетый, несмотря на трость с набалдашником из черного оникса, на которую он опирался с видом человека, знающего цену каждому своему движению.

В его глазах плясала вечная насмешка.

— Не сегодня, — ответил я.

— Жаль. Бал сразу стал бы интереснее. Драма всегда оживляет общество.

Он посмотрел по сторонам, оценивающе, словно считая головы в стаде.

— А где твоя красавица-жена?

Глава 10. Дракон

Челюсть напряглась так сильно, что заскрипели зубы.

— Осталась дома.

— Вот как!

Ламонт понимающе хмыкнул. Звук вышел коротким, сухим. Слишком понимающе. Мне это не понравилось. От него пахло старым вином и чем-то еще — запахом тайн, которые он коллекционировал всю жизнь.

— Что? — холодно спросил я.

— Говорите, герцог. Здесь все свои. Я знаю всё и про всех. Но заметьте, сплетником меня никогда не называли. Потому что я умею хранить тайны и секреты. Так что можете говорить как есть, — усмехнулся Ламонт, кивая кому-то в толпе.

Он вздохнул, опираясь на трость сильнее. Его пальцы, длинные и узловатые, побелели на рукояти.

— Ты действительно хочешь это услышать?

Нет.

Но я уже задал вопрос. Молчание было бы признанием поражения.

— Почему бы и нет? Ко мне многие приходят за советом. И я его с удовольствием даю. С высоты моего опыта, а вы помните, что я когда-то был королевским министром, мне всегда есть чем помочь. Может, нужна помощь?

Я молчал. Внутри кипела ярость, но я держал ее под кон-

тролем. Ледяная корка поверх вулкана.

Ламонт взял бокал с подноса, который проносили мимо нас, а затем покрутил его в пальцах. Вино качалось, темное, как кровь.

— Молодые мужья всегда одинаковые, — произнес он задумчиво.

— Не начинайте, — предупредил я. Раздражение просачивалось сквозь маску.

— А я еще и не начинал, — с усмешкой заметил Ламонт, поигрывая вином.

Он сделал глоток вина, не сводя с меня глаз.

— Просто обычно существует две причины, по которым красивая молодая жена внезапно перестает появляться рядом с мужем на важных мероприятиях.

Я молчал. Ждал.

— Первая — болезнь. По залу уже гуляет слух про то, что герцогине нездоровится. Вот я и решил уточнить. У меня есть хорошие доктора. Они могут помочь даже в таких случаях, когда другие разводят руками. Так что стряслось? Лихорадка? Женские недуги? Или что-то... более экзотическое?

— Да, она плохо себя чувствует, — произнес я. Каждое слово давалось с трудом.

Ламонт усмехнулся. Уголок его губ дрогнул.

— Однако в вашем голосе я не слышу беспокойства о ее здоровье. Следовательно, дело не в самочувствии. В чем-то

другом. Вы что? Поругались? Или... наша красавица-герцогиня... хм... пошла по пути моей покойной супруги и нагло обзавелась любовником?

Он посмотрел мне прямо в глаза. Прямо, бесстыдно, проверяя реакцию.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось. Образ Эрисалии, лежащей на полу, с горящим браслетом, вспыхнул перед глазами. Ее крик. «У меня нет любовников!» Красная вспышка.

Где-то глубоко в груди, там, где билось сердце, что-то дернулось. Горячее. Тяжелое. Мои пальцы непроизвольно сжались в кулак так, что ногти впивались в ладонь. Боль отвлекала. Помогала не рычать. Не показывать клыки. Не выпускать зверя на свободу.

Я посмотрел на Ламонта. На секунду мне показалось, что он увидел это. Увидел, как мои зрачки сузились, превратив мир в узкий туннель, в центре которого стоял только он — источник провокации.

— Вы ничего не знаете, — процедил я. Голос вышел ниже обычного. С хрипотцой, от которой у самого Ламонта дрогнули ресницы.

— Разумеется, — легко согласился Ламонт, пожимая плечами.

— Тогда не стоит делать выводы, — резко произнес я, злясь на его проницательность. На то, как легко он читал то, что я пытался скрыть даже от самого себя.

— Выводы? Нет. Это всего лишь жизненный опыт рогоносца, — спокойно ответил он. — Помню, как надо мной потешалась вся столица. А я ничего не мог поделать. Ведь ее любовником был сам принц!

Он рассмеялся. Но смех получился невеселым. Сухим и горьким. В этом смехе не было боли. Только цинизм. Опыт, купленный ценой унижения, который он теперь носил как броню.

Мирелла возникла словно из воздуха, тихая и незаметная. Девушка лет двадцати, хрупкая, с большими серыми глазами, в которых отражался весь страх этого мира. Ее платье было скромным, светло-голубым, без излишеств, подчеркивающим ее бледность. Она не стремилась быть в центре внимания, скорее, хотела слиться со стенами. Но в этой скромности было какое-то странное, тихое достоинство старой аристократии.

Она явно услышала последнюю фразу. Ее плечи дернулись, словно от удара.

— Дядя, — тихо произнесла она.

Глава 11. Дракон

В ее голосе прозвучало предупреждение. Мягкое, но твердое.

— Что? — удивился Ламонт, глядя на племянницу с той же усмешкой. — Я всего лишь делюсь мудростью.

— Не нужно, — Мирелла шагнула ближе, оказываясь между нами. Ее взгляд встретился с моим, и я увидел в нем не осуждение, а... сочувствие? Или жалость? — Мне кажется, сейчас не стоит заводить такие разговоры! Ты же видишь, герцогу плохо. Зачем ты пытаешься залезть ему в душу?

— Почему же? — искренне удивился Ламонт, разводя руками. — Герцог взрослый человек. Он понимает, о чем речь.

— Потому что вы не знаете герцогиню! — смело произнесла Мирелла, вставая на защиту моей жены.

Ламонт рассмеялся. Громко, раскатисто, привлекая внимание ближайших гостей. Я смотрел на Миреллу, которая ничего не знала о браслете, о правде, о том, что случилось перед отъездом.

— Мирелла, милая моя, ты настолько добра, что готова оправдать даже убийцу, если он улыбнется тебе достаточно мило!

— Это неправда, — возразила она, и щеки ее залил румянец.

— Правда, — отрезал старик, глядя на племянницу с лю-

бовью старого скряги.

Он похлопал племянницу по руке. Жест был грубоватым, но в нем сквозила странная нежность.

— Ты всегда ищешь в людях лучшее. Это твое проклятие, девочка. Запомни, милая, честность, доброта, великодушие — это худшие качества, которыми может обладать аристократка.

Потом он повернулся ко мне. Его глаза снова стали холодными, оценивающими.

— И именно поэтому не стоит пытаться утешать герцога красивыми иллюзиями, Мирелла. Жизнь — штука сложная. Особенно когда речь идет о любви. Иногда мне кажется, что моя Мирелла не создана для этой грязи. А мне ее еще замуж нужно выдать. Нет, очередь на нее огромная. На счет приданого я не поскупился, но вот... кому попало ее отдавать... Нет! К тому же она до сих пор влюблена в вас. И всех женихов сравнивает с вами, герцог. И, увы, не в их пользу!

Мирелла нахмурилась. Ее тонкие брови сошлись на переносице.

— Дядя! Прошу тебя! Прекрати! — ее лицо снова вспыхнуло, а она отвела глаза.

— Ой, да ладно тебе. Мне кажется, об этом знают все кругом с того момента, как ты рыдала прямо на смотринах, когда герцог выбрал не тебя, — парировал Ламонт.

Он поднял бокал. Вино блеснуло в свете люстр. Слезы Миреллы сверкнули на ее глазах, но она постаралась их

спрятать.

— Что ж, предлагаю тост за верных жен! — воскликнул он, и в его голосе звенела такая горечь, что музыка на мгновение показалась тише.

Я не поднял свой бокал.

Я смотрел на темную жидкость в хрустале и видел в ней отражение своих глаз. Вертикальные зрачки? Нет, просто тень. Но внутри меня что-то шевельнулось. Голодное. Опасное.

Верных жен.

Эрисалия солгала. Браслет не ошибся.

Но почему тогда этот тост звучал как насмешка надо мной? Почему я хотел сейчас же вернуться домой? Почему мне хотелось бросить этот бал и закончить разговор, который я начал?

Я сделал глоток. Вино было кислым.

— За верных, — тихо повторил я.

— Кажется, объявили танцы! — заметил Ламонт, повернувшись ко мне. — Вас, дорогой герцог, не сильно затруднит потанцевать с Миреллой? Чтобы... эм... как бы поднять ее статус в глазах других женихов? Один танец с герцогом вполне способен реанимировать интерес к «старой деве», как вы любите выражаться.

Я посмотрел на Миреллу. Она стояла, опустив глаза, и ее пальцы нервно теребили край платья.

Она стояла, опустив глаза. Смущенная. Несчастливая.

И почему-то мне стало еще хуже. Потому что она действительно любила меня. И сейчас это почему-то причиняло боль.

Глава 12

Щелчок замка отрезал меня от мира, от помощи, от надежды.

Я сидела на полу, спиной к туалетному столику, и смотрела на дубовую дверь. Не моргала. Не шевелилась.

Дыхание застряло где-то под ребрами, сдавленное китовым усом корсета и ледяным ужасом. Казалось, если я буду смотреть достаточно пристально, дерево смилостивится.

Дверь дрогнет. Ручка провернется. Он вернется. Скажет, что это была проверка. Что он просто хотел увидеть, выдержу ли я давление, которое сами Гарзары считают нормой.

Позовет лекаря. Снимет с меня это золотое проклятие. Обнимет так крепко, что хрустнут кости, и скажет: «Все хорошо, Эрис. Я здесь».

Шаги в коридоре удалялись. Тяжелые, мрачные, чужие. Сначала четко отбивали ритм по паркету, потом стали глуше, впитываясь в ковровые дорожки.

— Ильмаар...

Голос вырвался сам. Сухой, потрескавшийся. Он растворился в высокой спальне, не встретив ни препятствий, ни ответа. Только вой ветра в каминной трубе. Только стук капель, барабаниющих по стеклу, как безумные пальцы нервного божества.

Из глубины, откуда-то из-под грудины, поднялась черная,

липкая волна нестерпимой, адской боли. Меня скрутило. Я прижала ладони к животу, пытаясь удержать себя внутри собственного тела. Воздух стал вязким, густым, словно вода. Ребра сжались в тиски, не давая вдохнуть.

— Нет... нет... — шептала я, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику. — Не сегодня. Я... не хочу... умирать... Не... хочу....

Я поползла. Колени разъезжались на гладком паркете. Пальцы царапали ворс ковра, оставляя мокрые, дрожащие следы. Каждое движение высекало искры из глаз. Расстояние до двери казалось бесконечным, растягиваясь, как сырая резина.

Наконец я уперлась ладонью в холодное дерево. Стукнула. Один раз. Потом еще. Изо всех сил. Костяшки побелели, кожа лопнула, оставив на полировке алые мазки.

— Харджес!

Голос сорвался на хрип, а потом на кашель. Горлом пошла кровь, стекая на шею и на грудь.

— Харджес, ради богов, откройте! Вызовите врача!

Тишина. Но я чувствовала, что за толстым дубом, по ту сторону замка, кто-то стоял. Дышал. Ровно, тихо, с профессиональным спокойствием слуги, знающего цену неповиновения.

Кто-то слышал мой стук. Слышал хрип. Слышал, как я скребусь, как зверь. Но не пошевелился. Приказ герцога был законом. А закон Гарзаров не знал милосердия.

Единственное, что я услышала, так это тихий голос дворецкого: “Мадам, я бы рад... Но я не могу... Простите... Ключ у господина, и я не смогу открыть дверь... Еще раз простите...”

Из груди вырвался звук. Не плач. Не крик. Что-то среднее между смехом и икотой. Ломаное. Безумное.

Мое тело ломало от боли, а я понимала, что вот оно!

Конец. Меня не спасут. Потому что я больше не жена. Я — ошибка. И эта дверь откроется только утром. Но до утра я... я... не доживу...

Я снова захлебнулась кровавым кашлем, вытирая губы платком.

Кое-как я доползла до разбросанных вещей. Среди них были ножницы в виде цапли. Может, если я ослаблю корсет, мне станет легче...

Я возилась со шнурами, а потом почувствовала, как давление на грудь ослабло. Я выползла из него, как змея выползает из собственной шкуры. На мне была тонкая сорочка, которая намертво прилипла к измученному телу.

Сил не осталось. Ни бороться, ни дышать.

Я медленно сползла вниз, щекой коснулась пола. Прохладное дерево приятно холодило разгоряченную кожу. Перед глазами поплыли круги. Свечи в подсвечниках расплылись в золотые, дрожащие пятна. Гром ударил где-то совсем близко, сотрясая стены, но я почти не почувствовала вибрации. Мир сужался до темного туннеля.

И тут жар.

Не тот, что шел изнутри, от боли. Внешний. Локальный. Жгучий.

Я дернулась, вскрикнула. Запястье.

Камни на браслете горели алым. Ярко. Агрессивно. Но никто не задавал вопросов. Никто не требовал ответа. Никто не обвинял. Я просто лежала на полу, задыхаясь, а артефакт пульсировал, словно болезненный пульс.

— Что...

Глава 13

Я судорожно провела пальцами по оправе. Металл обжигал. Камни вспыхнули еще ярче, на секунду ослепив меня. А потом — миг. Провал. Темнота. И в этой темноте, среди багрового моря, мелькнула искра. Зеленого цвета. Слабая. Едва заметная. Как звезда в дыму.

Я замерла. Дыхание перехватило. Мне не показалось. Не могло показаться.

Зеленый.

Почему?

Пустая комната. Запертая дверь. Окно, по которому текли дождевые ручьи. Браслет светился сам по себе. Он не реагировал на слова. Я не произнесла ни звука. Он реагировал на что-то другое. На ритм моего сердца? На кровь, которая теперь кипела, а не текла? На что-то, что просыпалось во мне вместе с этой адской болью?

Волна боли ударила снова. Ослепляющая. Мир сузился до черной точки. Я выгнулась, стиснув зубы так, что затрещала эмаль. И в этот момент меня накрыл страх. Не перед смертью. Смерть была бы избавлением от этого кошмара.

Гораздо страшнее было то, что останется после.

Если я умру сейчас... в этой комнате. Запертая. Обвиненная.

Последнее, что будет знать обо мне Ильмаар... это ложь.

Он запомнит красный свет. Он будет уверен до конца своих дней, что я предала его. Что смеялась над ним за его спиной. Что мои слова о любви были всего лишь частью спектакля, который я разыгрывала ради статуса герцогини.

Эта мысль резала хуже раскаленных клещей в животе. Они были острее, чем сама боль.

Слезы потекли сами. Тихо. Густо. Смешиваясь с пудрой на висках, оставляя грязные дорожки. Я закрыла лицо ладонями, чувствуя, как горячие камни браслета вдавливаются в кожу щеки, оставляя клеймо.

— Я люблю тебя, идиот... — прошептала я в пустоту. Голос был еле слышен, сорван на шепот, но в нем не осталось ни капли драмы. Только голая, обнаженная правда. — Я никогда... никого... кроме тебя...

Браслет вздрогнул. Вспышка ударила так ярко, что сквозь сомкнутые веки я увидела красное зарево. Жар опалил кожу, заставив меня выгнуть спину. Но внутри этого алого пламени, на долю секунды, снова пробились две тонкие, изумрудные нити.

Зеленый.

Он был.

А значит, я не лгала.

А значит... артефакт лгал мне.

Я вспомнила, как однажды уже умерла. Не здесь. В том мире... В далеком мире, где были телефоны, такси, закусовые...

Помню раскаленный асфальт остановки. Помню, как люди проходили мимо.

Помню, как не хватало воздуха. Помню, как подумала: «Только бы дойти домой». А потом стало темно.

Тогда была жгучая боль в груди... Не такая... Другая...

Боль снова нахлынула, утягивая в темноту, но в голове, сквозь адский жар, билась одна мысль, острая, как осколок стекла: я должна выжить.

Не ради себя. Чтобы он узнал.

И мне вдруг захотелось, чтобы он стоял у моей могилы и понял, кого он потерял из-за какой-то магической штуки, из-за собственного упрямства и ревности.

Я хотела, чтобы он понял.

Хотела, чтобы хоть однажды он пожалел.

И тут я почувствовала, что боль прекратилась. Мир вокруг никуда не исчез. Просто боль резко закончилась, словно невидимый дирижер взмахнул волшебной палочкой.

Это случилось настолько внезапно, что я смогла подняться на ноги.

Я посмотрела вниз.

И закричала.

Глава 14. Дракон

Музыка сменилась. Приятная музыка для увеселений сменилась тягучим менюэтом.

Скрипки потянули за воздух, словно тетиву. Пары потянулись в центр зала, волной шелка и шёпота.

Я уже сделал шаг в сторону арки. Домой. К тишине, которая не судит. К холодному мрамору собственного особняка, где можно наконец перестать играть роль герцога.

Но заметил её. Мирелла всё ещё стояла у колонны, туда, куда дядя спешно ретировался, заслышав запах свежей сплетни. Она наблюдала за танцующими. Тихая. Слишком спокойная, словно не принадлежала этому залу.

Ни один мужчина не подошёл к ней.

Когда-то её всерьёз рассматривали как мою будущую невесту. Теперь же общество словно решило, что если герцог Гарзар отказался от неё, значит, с ней что-то не так. Глупость. Но свет всегда любил подобные глупости.

Я почувствовал угрызения совести. Хотя я и не был виноват в том, что тогда выбрал другую. А может, и был. Я не знаю. Сейчас я уже ничего не знаю наверняка.

Поэтому я протянул руку.

Жест вышел автоматическим, выверенным поколениями этикета.

Её пальцы встретились с моей ладонью. Прохладные. Тон-

кие.

Она не стала томно вздыхать, как прочие дебютантки. Лишь слегка, в знак благодарности, пожала мою руку и вошла в мой круг.

Я положил руку ей на талию. Ткань платья оказалась холодной и тонкой. Мы сделали первый шаг. Второй. Третий. Тело помнило геометрию танца. Но разум был за три мили отсюда. В запертой спальне. С женщиной, которая смотрела на меня так, будто правда была хуже смерти.

Фантомный жар всё ещё пульсировал на моей собственной коже, словно клеймо. Красный. Цвет предательства. Цвет догорающего угля. Я сжал челюсть так, что зубы заныли.

— Ваше сиятельство?

Робкий голос прорезал шум в голове. Я опустил взгляд. Мирелла смотрела на меня. Не с жалостью. С тихим, внимательным ожиданием.

— Простите, — произнёс я, возвращаясь в реальность, где кружил её в танце.

— Вам не за что извиняться, — тихо произнесла она.

Мирелла отвела глаза. Танец продолжался. Мы вращались, связанные приличием и ритмом.

Вокруг двор исполнял свою хореографию: приветливые улыбки, скользящие взгляды, шелест секретов, которые тут же пускались в оборот, как монеты.

Я чувствовал, что двигаюсь в воде. Густой, тяжелой, да-

вящей.

— Я не знаю, что случилось, — произнесла Мирелла едва слышно, перекрывая звук скрипок. — И не буду спрашивать.

Кто-то неподалёку засмеялся слишком громко, слишком резко. Я посмотрел на неё. Она выдержала взгляд.

— Но если вам когда-нибудь захочется выговориться... Иногда тяжесть становится легче, когда её не несут в одиночку.

Я выдохнул. Звук вышел сухим, без единой искры тепла.

— Поверьте, это не тот случай.

Она кивнула. Сразу. Без уязвлённой гордости. Без дальнейших попыток копнуть глубже. Это обезоруживало. Заставило слова сорваться раньше, чем я успел загнать их обратно в клетку.

— Вы приняли мой выбор с удивительным спокойствием, — заметил я, ведя её в танце.

Она моргнула. На долю секунды маска дрогнула.

— Простите?

— Когда я женился, — произнёс я, глядя куда-то поверх её плеча на пёструю массу гостей.

Её взгляд скользнул вниз, в пространство между нами, словно она смутилась вопросом.

— А что мне оставалось? — В её голосе послышалась лёгкая усмешка.

— Многие на вашем месте возненавидели бы её, — произнёс я, чувствуя запах жасмина и чего-то травяного, исхо-

дящего от её волос и платья.

— За что? — С удивлением спросила Мирелла, поднимая на меня глаза.

Глава 15. Дракон

Честность в её голосе была осязаемой. Она ударила мне в грудь. Я посмотрел на неё по-настоящему.

— Она ничего у меня не забирала, — добавила Мирелла и вздохнула.

Повисла тишина. Музыка обернулась вокруг нас, как вторая кожа.

— Вы любили меня, — констатировал я. Не вопрос. Факт. На её губах дрогнула печальная, почти прозрачная улыбка.

— Любовь не даёт права требовать человека себе.

Темп ускорился. Зал поплыл. И вдруг всё исчезло. Я снова стоял в той комнате. Запах раздавленной пудры и дождя. Пальцы Эрис впиваются в мой рукав. Дрожь в голосе, когда она прошептала: «Если ты сейчас уйдёшь...». Щелчок замка. Абсолютная, удушающая точка.

Моя рука непроизвольно сжалась. Я почувствовал это — знакомое давление под рёбрами, древнее, пробуждающееся. Жар, не имеющий ничего общего с духотой бального зала. Я выровнял дыхание. Загнал зверя обратно в темноту, снова оказываясь в центре зала.

Мирелла заметила мое отсутствие. Конечно, заметила.

— Герцог, — шепнула она.

Я встретился с ней взглядом.

— Что?

Она замялась, а потом произнесла, взвешивая каждое слово.

— Что бы ни случилось... Я обещаю, дядя ничего не узнает.

Из горла вырвался сухой, лишённый радости звук.

— Вы считаете его настолько невыносимым? — усмехнулся я, поглядывая на старого интригана, который с удовольствием беседовал с кем-то из нынешних министров.

На этот раз улыбнулась уже она. Едва заметно. По-настоящему.

— Я считаю его утомительно любопытным, — прошептала она, скрывая улыбку.

Мы сделали поворот. Паркет глухо отозвался под подошвами.

— Вы можете довериться мне, — добавила она так тихо, что слова почти растворились в звуках оркестра.

Я посмотрел поверх её плеча. На залитые дождём стёкла. На сотни свечей, стекающих воском на серебряные подсвечники. На своё отражение — бледное, застывшее, человек, вырезанный из льда и долга.

Она ждала. Но мне было нечего сказать. Потому что всё, чем я являлся, всё, чего я боялся, всё, к чему я теперь рвался, ждало меня дома, за тяжёлой дубовой дверью.

— Спасибо, Мирелла.

Музыка стихла. Последний аккорд повис в воздухе, затем

растворился.

Мы остановились. Она склонила голову в безупречном поклоне.

Я отступил. Расстояние между нами вдруг превратилось в ущелье.

— О, благодарю вас! — подоспел Ламонт, расплываясь в улыбке, которую принес из чужого разговора. — Вы оказали нам неоценимую услугу! Надеюсь, что после этого танца от кавалеров у Миры отбоя не будет. Хотя, честно говоря, жених нынче пошел не тот. А я не хочу отдавать племянницу кому попало. К тому же она сама не рвется замуж. Но я думаю, что время лечит, так что есть шанс, что через годик-другой Мирелла станет чьей-то женой. Правда, такое честное сокровище, как она, не хочется отдавать кому попало!

Ламонт прокашлялся, словно опомнился, и тут же вздохнул.

— Так что у вас стряслось, герцог? — спросил он. — Может, наконец-то расскажете?

— Давайте так. Я молча жалуюсь, вы молча сочувствуете, — ответил я, глядя ему в глаза.

— Bravo! Обожаю ваше чувство юмора, — заметил Ламонт. — Только тут один нюанс нарисовался. У нас карета сломалась. Мы еле доползли до бала. Считай, днищем по земле тащились. И я вот думаю, у кого бы позаимствовать карету! Тем более, что на улице такая непогода.

Глава 16

Я резко закрыла глаза, и мир качнулся, словно палуба корабля в шторм.

Первой мыслью было: «Я просто потеряла сознание! Мне чудится!».

Я почувствовала, как холод, словно зябкая вуаль, обнял мои плечи.

«Почему так холодно?», — пронеслась в голове мысль, а я поёжилась.

Холод был не зимним, не тем, что покалывает кожу иголками. Он был каким-то странным, внутренним. Пустым. Словно из меня выкачали всю кровь, заменив её ледяной водой.

Я снова открыла глаза. Взгляд упал на пол. На дорогой ковёр, который теперь почему-то казался серым и пыльным.

Я замерла, не в силах ничего вымолвить от ужаса.

Рядом с ножкой кровати, в луже пролитых духов и осколков стекла, лежала женщина.

Бледная. Неестественно бледная, словно восковая кукла. Она лежала неподвижно в одной тонкой сорочке. Её волосы слиплись от пота и слёз. Причёска растрёпалась, волосы расплзлись змеями по ковру. Неподалёку валялось платье с распоротым корсетом и нож.

Несколько секунд я просто смотрела. Мозг отказывался

собирать картинку в единое целое. Это была кукла? Манекен для примерки? Чья-то жестокая шутка?

Потом я медленно, с трудом, подняла руку. Коснулась собственной щеки. Кожа была холодной, но плотной. Я провела пальцами по губам. Они почему-то дрожали.

Я перевела взгляд обратно на тело на полу.

И увидела на нём браслет, камни которого теперь погасли, став мутными, серыми и мёртвыми. Те же царапины на коленях, которые я получила, когда ползла к двери.

Нет.

Нет.

Нет!!!

Я вскочила. Движение вышло слишком лёгким, невесомым. Меня качнуло, но не от слабости, а от странного ощущения потери опоры. Я попятилась, глядя на себя в зеркало...

В зеркале отражалась комната. Кровать. Разбросанные вещи. Тело на полу.

Но меня в отражении не было.

Женщина на полу осталась лежать неподвижно. Грудь не вздымалась. Глаза были закрыты.

Я присмотрелась и поняла, что это... я.

— Нет... — голос сорвался. Он прозвучал тихо, странно, словно шелест сухой бумаги или скрип старого дерева. — Нет!..

Я бросилась к телу. Упала рядом на колени, не чувствуя

удара о твёрдый паркет. Схватила себя — ту, настоящую, мёртвую — за плечи.

Пальцы прошли насквозь.

Словно через дым. Через холодный утренний туман.

Меня затрясло. Не от холода. От ужаса, который разрывал душу на части, хотя сердца, которое должно было биться, больше не было. Я прижала руку к груди и замерла. Тишина. Просто тишина.

Ком тошноты подкатил к горлу, а я спрятала лицо в руках.

— Нет... — повторяла я, как мантру, раскачиваясь над собственным телом. — Я не могла умереть. Не могла. Не сейчас. Не так.

Я ведь только хотела, чтобы он поверил.

Я ведь любила его. Больше жизни.

Я...

Всхлип застрял где-то в горле, но вырваться не смог. Слезы не текли. Их не было. Вообще ничего не было, кроме ледяной, звенящей пустоты и осознания собственной смерти.

Я вскочила и бросилась к двери. Инстинкт самосохранения, последний остаток человечности, толкал меня прочь от этого страшного зрелища. Один вид моего мёртвого тела на ковре заставлял меня задыхаться.

Я потянулась к ручке, но пальцы прошли сквозь металл. Холодное железо не оказало сопротивления. Оно даже не дрогнуло.

Я замерла, глядя на свою полупрозрачную ладонь, кото-

рая не может схватить ручку двери, но потом снова попробовала.

— Вот гадство! — в сердцах выкрикнула я, ударяя рукой о дверь.

Вместо глухого удара, моя рука просто исчезла внутри массивной доски, словно вошла в воду. Я смотрела на свою руку, которая наполовину прошла сквозь дверь.

Сердце... если оно ещё существовало... ухнуло куда-то в бездну.

Значит, я могу выйти?

Глава 17

Я вытащила руку из двери, а потом сжала кулаки и сделала шаг вперёд.

До последнего я ожидала, что ударюсь лбом, но нет. Я прошла сквозь дверь, как сквозь воду.

Мир качнулся. Запахи изменились. Вместо лаванды и крови пахло сыростью, старым деревом и воском для полов.

Я оказалась в коридоре.

— Харджес!

Крик вырвался сам собой, но звука почти не было. Только вибрация в воздухе.

Дворецкий сидел возле стены в кресле для гостей. Сгорбившись. Голова опущена. Он выглядел старше, чем обычно. Плечи дрожали.

Я бросилась к старому дворецкому.

— Харджес! Слава богам! Позовите Ильмаара! Я здесь! Посмотрите на меня!

Ничего.

Харджес смотрел сквозь меня. Его взгляд был расфокусирован, уставлен в одну точку на паркете. Словно меня не существовало.

Я опустила перед ним на колени и отчаянно замахала руками перед его лицом.

— Харджес!

Тишина. Только тихое, ровное дыхание старика. “А что, если это правда?” — внезапно произнёс он, повернувшись к дверям моей комнаты. — “Что, если старые артефакты лгут?”

Где-то внизу, на лестнице, хлопнула дверь. Послышались шаги. Тяжёлые, ленивые. Я поспешила туда, не чувствуя пола. Я словно парила в воздухе, как это бывает в некоторых снах. Стоило лишь слегка оттолкнуться ногой от пола, как ты зависаешь в воздухе и, вместо того чтобы упасть, медленно опускаешься вниз.

Два лакея поднимались вверх. Они несли поднос с пустыми бокалами.

— Говорят, в Нижнем городе пожар, — произнёс один, зевая. — Столицу чуть не спалили.

— Опять ремесленники бунтуют? — второй фыркнул.

— Да нет. Какая-то сумасшедшая девка!

Я замерла. Слова повисли в воздухе, цепляясь за моё сознание крючками.

— Та самая? Из трактира «У хромой лисы»?

— А я откуда знаю! Это ты там завсегдатай! Короче, она взяла и подожгла собственный дом. Из-за жениха, говорят. Бросил он её накануне свадьбы. Соседи её затравили. Из дома выйти не давали.

— Дура, — равнодушно заметил второй лакей. — Там полквартала едва не сгорело. Стража еле потушила.

— А её саму нашли?

— Нет пока. Либо сбежала, либо сгорела заживо. Кто ж разберёт там обугленные кости. Хотя, говорят, что она-то как раз и выжила. Валяется в дешёвой больничке. Короче, помрёт со дня на день!

Они прошли мимо. Я проводила их взглядом. В груди, где должно было биться сердце, что-то неприятно ёкнуло.

Вспышка воспоминаний заставила меня замереть. Жар раскалённого асфальта. Запах бензина и палёной резины. Гул города, который вдруг оборвался. Чужие голоса: «Скоро! Дышит? Нет, уже не дышит». Я помнила это.

Помнила так же ясно, как помнила запах ветивера на Ильмааре в день свадьбы. Две смерти. Две жизни, обрубленные в одну секунду. И между ними — одна неразрывная нить, которую я теперь видела только в виде холодной ряби в воздухе.

Я услышала крики слуг: «Карета! Хозяин приехал!». Все вдруг забегали, заволновались. Где-то далеко что-то гроыхнуло.

Глава 18

Я бросилась к лестнице. Не бежала. Падала вниз, подчиняясь гравитации, которой больше не существовало. Ступени проходили сквозь меня, но я чувствовала их холод, чувствовала вибрацию камня.

Он вернулся.

Я вылетела на улицу, чувствуя, как дождь проходит сквозь меня. Капли просто разбивались о землю, а я лишь чувствовала холодное покалывание на том месте, где они должны были коснуться кожи. Что это? Остаточное чувство? Или природа призрака?

Тяжёлые ворота особняка громыхнули. Раздался грохот колёс по мокрой брусчатке. Ржание лошадей, фыркающих в ночную сырость.

Знакомая карета подъезжала к дому.

Ильмаар вышел первым. Дождь стекал с его плаща тяжёлыми каплями. Он пах озоном, мокрой кожей и тем самым ветивером, который теперь казался мне запахом погребальной процессии. Его лицо было каменным. Идеально ровным. Но я видела, как напряжена линия его челюсти, как пальцы в чёрных перчатках неестественно сильно сжимают дверцу кареты.

Я шагнула к нему. Протянула руки.

— Ильмаар. Посмотри на меня. Пожалуйста.

Он даже не обернулся.

Его плечо коснулось моего призрачного тела, и по мне пробежал ток. Не боль. Ощущение, будто меня вывернули наизнанку. Я отшатнулась и замерла. Только эхо дождя и далекого грома отразилось от стен притихшего поместья.

И тут я увидела в карете женщину.

Сначала я ее не узнала, а потом память вернула мне тот день, когда среди всех невест выбрали меня. Я помню ее. Она стояла в стороне вместе с противным болтливым дядей.

Сейчас она подалась вперед. Её светло-голубое платье промокло у подола, волосы сбились мокрыми прядями у висков.

Ламонт Эльтар сидел в глубине кареты, в самом полумраке. Его глаза блестели в полутьме, как у старой лисицы, учувшей падаль.

Ильмаар машинально протянул Мирелле руку. Её пальцы легли на его ладонь. Светло-голубые перчатки Миреллы. Тёмная кожа перчаток Ильмаара. Контраст, который резал глаза.

— Благодарю вас, милорд, — улыбнулся Ламонт, стряхивая капли с плаща. — Вы спасли нас от весьма унижительной прогулки по лужам. И благодарю вас за танец с моей племянницей. Вы оказали огромную услугу.

Я смотрела только на их руки. На то, как муж не отдёргнулся. Как его пальцы сомкнулись вокруг её ладони с той же властной мягкостью, с какой он когда-то надевал мне брас-

лет. Внутри не закипала ревность. Закипала паника. Осознание, что мир уже изменился. Что я умерла, а жизнь вокруг продолжается с тем же упрямым упорством...

Мои губы задрожали от подступающих слез. Мир словно не заметил моей смерти. Он продолжает жить так же, как и жил. Меня словно вычеркнули со страниц этой книги жизни, словно я ничего и не значила.

— Знаете, — продолжил Ламонт, не сводя с герцога цепкого взгляда, — жизнь бывает удивительно жестока к тем, кто путает терпение с мудростью.

Мирелла чуть дрогнула, повернувшись в глубь кареты.

— Дядя...

— Что я? Я лишь констатирую. — Старик вздохнул, и в его голосе прозвучала фальшивая старческая мягкость. — Бывают женщины, которые любят один раз. И навсегда. Как моя племянница.

Глава 19

Мирелла опустила глаза. Её ресницы дрожали.

— Дядя, умоляю.

— А что такого? Правда должна звучать. — Ламонт хлопнул её по руке, и в этом жесте было больше расчёта, чем нежности. — Она плакала несколько дней после вашего выбора, герцог. Но время — отличный лекарь. И рано или поздно человек понимает: некоторые иллюзии лучше отпустить. Чтобы не гнить заживо в собственных мыслях про измену.

Ильмаар молчал, но все еще держал руку Миреллы. Он не прощался, не поцеловал ее на прощание, а просто застыл в собственных мыслях.

— Вы слишком благородный человек, милорд. Но если женщина вам лжёт... — он сделал паузу, давая словам осесть, как пепел на бархат. — Может быть, проще разорвать цепь? Развод. Чистый лист. Без крови, без скандала. Без лжи.

Почему он не остановил его?

Почему не сказал, что я все еще его жена? Что я люблю его? Что это просто недоразумение?

Ламонт скрипнул сидением и придвинулся ближе. Его голос стал тише, интимнее, предназначенным только для ушей Гарзара.

Дождь стучал по стеклу дверцы. Фонари раскачивались на ветру, поскрипывая и подрагивая светом.

Мирелла резко подняла голову. Её глаза встретились с моими. Она не могла меня видеть. Но её взгляд скользнул сквозь пустоту, и я почувствовала, как внутри неё дрожит страх.

Я смотрела только на Ильмаара.

На линию его плеч. На сжатые кулаки в перчатках. На то, как он медленно, почти незаметно, выдохнул.

Сейчас.

Сейчас он рассмеётся. Возмутится. Скажет, что честь Гарзаров не терпит поспешных решений. Скажет, что я его жена. Скажет хоть слово.

— Как видите, в некоторых ситуациях развод — единственное верное решение! — заметил Ламонт, постукивая тростью. — Чтобы не быть рогоносцем!

Ильмаар молчал.

Слишком долго. Настолько долго, что тишина стала плотной, удушливой, как вода в лёгких.

— Возможно... — наконец произнёс он. Голос прозвучал ровно. Без дрожи. Без гнева. С той самой холодной усталостью, с которой он смахивал флаконы со столика. — Возможно, вы правы.

Мир не рухнул. Он просто выключился. Как погасшая свеча. Как остывший металл браслета. Как сознание тела, оставленного на полу в запертой комнате.

Я отступила назад. Мой призрак бросился в дом, не в силах слышать такие разговоры. Мое тело прошло сквозь

дверь, и теперь я стояла в фойе герцогского особняка, среди живой роскоши и мёртвой тишины, и понимала: я больше не жена. Не женщина. Не Эрисалия.

Я стала тенью самой себя.

А самое страшное было не то, что я умерла.

А то, что я больше не была единственной женщиной в его мире.

Глава 20. Дракон

Ламонт не замолкал всю дорогу.

Сначала он болтал о сломанной оси, потом о погоде, потом о том, что столичные мостовые давно превратились в грязные ловушки, пока министры пируют и делят портфели.

Он говорил легко, с той расслабленной циничностью, которая бывает только у людей, давно потерявших что-то важное и научившихся носить эту потерю с гордостью. А все потому, что у них не было выбора.

Я слушал вполуха.

Карета мерно покачивалась, вгрызаясь колесами в размокшую брусчатку. Дождь хлестал по стеклам, размывая уличные фонари в длинные, дрожащие золотые шрамы. Мир за окном плавился, терял очертания, становился зыбким.

Как и всё сегодня.

Мирелла сидела напротив, прижавшись к углу сиденья. Руки сложены на коленях. Спина прямая. Взгляд опущен. Она почти не дышала, лишь изредка пыталась поймать взгляд дяди, чтобы остановить его. Бесполезно. Ламонта не могли остановить ни взгляды, ни обстоятельства. Он болтал с утомительным постоянством.

Я прижал пальцы к виску, жалея, что предоставил им карету. Благородство требовало не бросать в беде. К тому же, зная Ламонта, вряд ли кто-то еще согласится ехать с ним

домой.

— Годами цепляются за призраков, милорд, — пальцы Ламонта барабанили по черному ониксу трости. — За честь. За клятвы. За глупую веру, что завтра лед растает. Он не растает.

Я молчал. В горле стояла сухая горечь. “Да помолчи ты уже, Ламонт! Богами заклинаю!”, - бросил я на него короткий взгляд. Я пытался подготовиться к разговору с женой от которого зависело все. Наш брак, наше будущее, наши отношения.

— Моя покойная супруга, к примеру, лгала так воздушно, что я иногда аплодировал в уме. — Ламонт усмехнулся. — Если бы не был посмешищем столицы, возможно бы, делал бы это вслух.

— Дядя, — голос Миреллы прозвучал тихо, но твердо, как треск льда.

Я посмотрел на Миреллу с пониманием. Как она умудряется выдерживать дядю? Уму непостижимо. Мне даже стало ее жаль.

— Что? Я называю вещи своими именами. Иллюзии — роскошь для тех, у кого есть время умирать медленно! - продолжал Ламонт с философским вздохом.

Я отвернулся к стеклу.

Иллюзии.

Слово липло к языку, вызывая приступ тошноты. В памяти вспыхнуло лицо Эрисалии. Не то, что она показывала при

дворе, с улыбкой и идеальной осанкой. А то, сегодняшнее.

Глава 21. Дракон

Точнее, наверное, уже вчерашнее.

Размазанная пудра, сбитое дыхание, пальцы, вцепившиеся в мой рукав, словно в последнюю опору. И этот свет. Багровый, безжалостный, как кровавая рана.

«Если ты сейчас уйдешь... я могу умереть».

Я сжал кулаки. Кожа на костяшках натянулась, стала белой.

Ложь.

Браслет не ошибался. Триста лет безупречной службы. Он видел ее насквозь. Слова ничто по сравнению с древней магией, которая веками берегла правду в доме Гарзар.

— Иногда, — Ламонт понизил голос, рассуждая скорее с самим собой, чем со мной, — неправильный выбор стоит слишком дорого. А верное решение всё это время сидит рядом. Молчит. Ждет. Не требует доказательств.

Мирелла резко вскинула голову. Щеки покрылись неестественным румянцем.

— Дядя!

Я посмотрел на нее. Она была хрупкой, бледной, честной, спокойной. Такой, какая не стала бы ломать комедию перед королевским выездом. В ее жесте, в ее взгляде сквозила покорность. А те редкие упреки, которые она бросала дяде, — ничто по сравнению со вчерашним представлением с “уми-

ранием”.

Мысль прокралась сама, скользкая и предательская: а что, если надо было выбрать её?

Я отсек её мгновенно. Резко, с внутренним рыком.

Нет.

Даже если бы время повернулось вспять, даже если бы я стоял перед алтарем вновь, зная всё, что ждет впереди, я бы снова указал на Эрисалию.

Наверное.

Проклятие! Я уже ничего не знаю наверняка. Мне кажется, что все мои мысли превратились в комок горькой тошноты в горле и в раздражение.

От этой внутренней правды стало только хуже. Тяжелее.

Карета дернулась и замерла. Лакей распахнул дверцу. В салон рванулся сырой, ледяной воздух, пахнувший мокрым камнем и цветущими липами.

Я вышел первым, вдыхая сладкий запах цветущих лип, запах дома. Сапоги утопи в луже. Дождь мгновенно нашел щели в плаще, но я не почувствовал холода. Внутри всё сжалось в тугой узел предчувствия нового витка семейного скандала.

Мирелла поднялась следом, чтобы попрощаться. Я подал руку механически, выверенным жестом, отточенным годами этикета. Её пальцы легли в мою ладонь — холодные, невесомые, дрожащие.

— Благодарю вас, милорд, - едва слышно прошептала она,

не поднимая глаз.

Глава 22. Дракон

Я кивнул.

Ламонт зашевелился на сидении, кряхтя и чертыхаясь на погоду, на боль в колене, на кучера, который «не умеет держать ровный ход».

— Благодарю вас, милорд, — улыбнулся старик, отряхнув свой плащ. — Вы спасли нас от весьма унижительной прогулки по лужам. И благодарю вас за танец с моей племянницей. Вы оказали огромную услугу.

— Это было несложно.

— Знаете, — продолжил Ламонт, продолжая свою пустую болтовню о смысле жизни и брака, — жизнь бывает удивительно жестока к тем, кто путает терпение с мудростью.

— Дядя... - простонала Мирелла, а я сочувственно посмотрел на нее. Ей это еще всю дорогу слушать.

— Что я? Я лишь констатирую. — развел руками Ламонт. — Бывают женщины, которые любят один раз. И навсегда. Как моя племянница.

Я уже собирался повернуть к крыльцу, когда Ламонт остановил меня. Не жестом. Взглядом. В нем не было обычной насмешки. Только сухая, выветренная истина.

— И всё же, милорд...

Я замер.

— Что?

Он вздохнул. Дождь барабанил по зонту лакея, создавая глухой, монотонный фон.

— Дядя, умоляю, - снова произнесла Мирелла, краснея.

— А что такого? Правда должна звучать. — Ламонт хлопал её по руке, и в этом жесте было больше расчёта, чем нежности. — Она плакала несколько дней после вашего выбора, герцог. Но время — отличный лекарь. И рано или поздно человек понимает: некоторые иллюзии лучше отпустить. Чтобы не гнить заживо в собственных мыслях про измену.

Мирелла вздрогнула. Я не шелохнулся.

Ламонт сделал шаг ближе. Голос упал до шёпота, который слышен только тем, кто хочет услышать.

— Вы слишком благородный человек, милорд. Но если женщина вам лжёт... — философствовал Ламонт. — Может быть, проще разорвать цепь? Развод. Чистый лист. Без крови, без скандала. Без лжи.

В груди дрогнуло что-то острое. Я стиснул челюсть.

— Как видите, в некоторых ситуациях развод — единственное верное решение! — заметил Ламонт, сбивая грязь с сапог кончиком трости. — Чтобы не быть рогоносцем!

Я молчал, устав слушать про его супругу. К слову, уже десять лет как покойной.

— Возможно... — наконец произнёс я, мысленно отмахиваясь от его пустой болтовни. — Возможно, вы правы.

— Я не лезу в душу. Не даю советов. — Он поднял ладони, отстраняясь. — Просто делюсь наблюдением человека,

который слишком долго ждал, пока правда упадёт ему на голову. Если вам врут... иногда проще не спасать руины.

Он умолк, словно задумавшись.

— Иногда проще развестись.

“Развестись”, — пронеслось в моей голове.

Я молчал. Думал не о браке. Не о чести. А о том, как Ламонт десятилетиями носил в себе это унижение, превратив его в броню, и теперь предлагал мне её примерить, сам не зная ситуации.

— Время назад не повернёшь, — вздохнул я. Голос прозвучал ровно, как отточенный клинок. — В вашем случае это было бы мудро.

— Мудрость, увы, приходит, когда уже некому её применять. — Он усмехнулся, но в улыбке не было радости. — Ну что ж, передайте герцогине, чтобы поскорее выздоравливала! Её очень не хватает на балах!

Мирелла опустила ресницы. Я коротко склонил голову и поцеловал ее руку.

Глава 23. Дракон

— Доброй ночи. Пусть ваша супруга поскорее поправится, — прошептала Мирелла. — Погода сейчас ужасная. Берегите ее.

Двери особняка сомкнулись за моей спиной, отрезая дождь, карету, Ламонта и его горькие истины, которые резали по больному.

В холле царила неестественная тишина. Слишком густая, слишком плотная после гула бального зала. По навесу стекала вода, отбивая медленный, раздражающий ритм на крыльце.

Слуги мелькали в коридорах призраками, стараясь не попадаться на глаза.

Харджес возник почти сразу. Вырос из полутени, словно тень и была. Бледный. Подтянутый. Слишком собранный.

— Милорд.

Дворецкий поклонился. Я стянул перчатки, бросая их на поднос. Серебряный лязг застежек прозвучал неестественно громко.

— Как моя жена? — спросил я, чувствуя, как внутри всё сжимается от мысли, что сегодня рухнул мой мир.

Дворецкий замер. Всего на мгновение. Но я уловил это. Задержку дыхания. Микроскопическое напряжение в плечах.

— В ее покоях тихо, милорд. Она сначала стонала, кричала, а потом... потом притихла.

Тихо, значит.

Уголок моих губ дёрнулся в усмешке.

— Наконец-то. Спектакль окончен.

Харджес не ответил. Только сжал губы в тонкую белую линию.

Я растёгнул верхнюю пуговицу камзола. Ткань душила, врезалась в шею, и мне не терпелось от неё избавиться.

— Она устала умирать? — небрежно спросил я, поглядывая вверх.

Слова вырвались жестче, чем я планировал. Харджес побледнел ещё сильнее. И почему-то это взбесило меня.

— Я не смею судить, милорд, — опустил глаза дворецкий, вздохнув.

— Верно. Не смеее, — снова усмехнулся я, пытаюсь скрыть усмешкой тревогу.

Я развернулся и пошёл к лестнице. Каждый шаг отдавался в висках тупым стуком. Я говорил себе, что не пойду к ней. Пусть сидит там, пусть думает над своим поведением, пусть проснётся утром. Утром мы поговорим. Спокойно. Без свидетелей. Я не хотел сейчас горячиться. Я боялся, что если сейчас пойду к ней, то не сдержусь.

— Харджес! Принеси чай! — приказал я, понимая, что сейчас упаду в кресло, выпью чашку чая с молоком и обдумая будущий разговор.

Я уже свернул к своему кабинету. Но ноги сами остановились напротив коридора, ведущего к её двери.

Проклятие.

Я резко и больно сжал кулак. Рука сама нырнула в карман, где лежал ключ от её комнаты. Я схватил его и сжал так, что он отпечатался в руке.

Я не мог войти туда сейчас.

Не после её взгляда. Не после дрожи в голосе. Не после того, как весь вечер её образ жег мне изнутри, не давая дышать. Я точно сделаю какую-нибудь глупость!

Глава 24. Дракон

— Милорд... может, лекаря? На всякий случай...

Я медленно повернул голову. Харджес отступил на полшага.

— Лекаря? — переспросил я. Голос сорвался на хрип. — На какой случай? На случай, если она довела себя до изнеможения своей глупой истерикой?

Дворецкий смиренно промолчал. И это молчание вгрызлось в меня, холодное и колючее. Я пошел по коридору. К той самой двери. К замку, который я сам закрыл на ключ несколько часов назад. Да, тогда был вечер. А сейчас в окнах уже появилась первая полоска рассвета.

Но перед тем, как открыть дверь, я прислушался, коснувшись виском холодной дубовой двери.

За дверью было тихо. Только дождь шуршал по подоконнику.

Неужели уснула? Ну конечно, истерика вымотала ее, поэтому сейчас спит. Надеюсь, она выспалась!

Я постучал. Костяшками по дереву. Сухо и коротко.

— Эрисалия, — произнес я, а голос звучал строго.

Я снова прислушался, придвинувшись ближе к двери. Тишина. Молчит. Обиделась? Она? На меня?

Я сжал ключ. Зубцы впились в кожу.

— Я знаю, что ты не спишь! — еще строже произнес я. —

Отвечай! Немедленно! И прекрати играть в эту обиду! Это не ты на меня должна обижаться, а я на тебя!

Но вопреки словам, в груди шевельнулась тревога. Как зверь, чующий дым задолго до пламени. Чешуя под кожей заныла, требуя немедленно открыть дверь.

Я шумно вздохнул, несколько секунд глядя на красивый узор, вырезанный на двери, а потом вставил ключ. Щелчок, еще щелчок. Дверь подалась.

Из комнаты повеяло холодом. В темноте задернутых штор первое, что я увидел, так это погасший камин. Он даже не тлел. Он превратился в угли.

Я шагнул через порог.

Свечи догорали, оплывая серебром. Пол был усеян осколками, рассыпанной пудрой, скомканным шелком. И темными влажными пятнами на дорогом ковре. Платье валялось на полу возле столика среди осколков и разбитых флаконов. Я не поднял его, а просто перешагнул, ступая на мягкий ковер.

И тут я увидел ее.

Она лежала у ножки кровати.

Раздражение вспыхнуло первым. Защитным пламенем. Опять? Опять эти игры? Она чего добивается? Жалости? Хочет, чтобы я испугался за ее жизнь?

— Решила изображать обморок? — голос прозвучал хрипло, чужим. — Решила доказать мне, что тебе и правда было больно?

Браслет вспыхнул красным, и я вздохнул.

Она не шелохнулась, продолжая лежать на полу. Я хлопнул в ладоши, зажигая свечи. Уютный теплый свет осветил комнату и ее фигуру, которая продолжала лежать на полу неподвижно.

Я подошел ближе. Сапоги хрустнули по стеклу.

— Вам не идет, мадам. Хватит прикидываться! — в моем голосе прорезалась резкая нота раздражения.

Опять эти игры с обмороками, припадками. Она ждет, что я сейчас брошусь к ней, упаду на колени и возьму на руки и отнесу в кровать. А ведь я был близко к этому. От одной мысли, что она позволяет себе лежать на холодном полу, я готов был подхватить ее на руки.

Браслет на ее руке вспыхнул красным.

— Мадам! Хватит обмороков! Мы что, продолжаем вчерашнюю игру? — в голосе уже сквозило неприкрытое раздражение. Я злился на себя за собственную слабость, за тот порыв, который едва сдерживал внутри себя.

Глава 25. Дракон

Никакой реакции.

Я наклонился. Коснулся её плеча. Она не пошевелилась.

— Хватит прикидываться! — взревел я. От этого рыка задрожали стекла. Она должна была дёрнуться, но не дёрнулась.

И снова вспышка. И снова красный.

Я не сразу понял, что что-то не так. Я отказывался понимать.

— Эрисалия, прекрати, — прошептал я, чувствуя, как меняется мой голос.

Я попытался поднять её. Тело оказалось тяжёлым. Бесформенным. Безвольным, как тряпичная кукла, с которой сорвали нити.

Что-то ледяное пробежало по позвоночнику. Я резко сбросил это чувство.

Я поднял её на руки, уложил на кровать. Голова безвольно откинулась. Волосы рассыпались по подушке тёмным веером. Лицо — восковое, кровавым налётом на губах.

Кровь?

Нет.

Помада.

Конечно, помада.

Я осмотрелся и увидел на полу разбитую помаду цвета

спекшейся крови. Значит, решила ещё и маскарад устроить?
— Ты решила играть со мной? — слова сорвались тише.
Уверенность треснула.

Я схватил её за запястье. Кожа ледяная. Тусклый металл
браслета коснулся моей ладони.

— Эрис. Вставай. Хватит. Перестань меня пугать!

Я потёр её запястье большим пальцем. Пытаясь согреть.
Пытаясь найти хоть малейший отклик.

Но кожа была ледяной.

Не просто прохладной от ночного воздуха или открытого
окна.

— Перестань, — прошептал я. Сам не понимая, кого про-
шу. Её? Себя? Этот невыносимый, звенящий холод?

Мои пальцы дрожали. Я сжал её руку сильнее, словно мог
силой воли, силой драконьей крови заставить сердце ударить
хотя бы раз. Хотя бы один раз, чтобы опровергнуть эту ти-
шину.

— Хватит.

Слово сорвалось глухо, хрипло.

Я прижал пальцы к внутренней стороне её запястья. Туда,
где под тонкой, почти прозрачной кожей должна была биться
жизнь.

Ничего.

Тишина в кончиках пальцев была оглушительной.

Я нахмурился, чувствуя, как внутри начинает закипать
раздражение — глупое, детское отрицание очевидного. На-

верное, я надавил слишком слабо. Наверное, сместил руку на миллиметр.

Драконья кровь во мне требовала действия, контроля, но человеческая часть цеплялась за надежду, как утопающий за соломинку.

Я надавил сильнее. Пальцы вдавились в мягкую плоть, оставляя белые следы, которые не исчезали.

Наверное, не там.

Я искал ритм, тот самый знакомый стук, который будил меня по утрам, когда она спала, положив голову мне на грудь.

Ничего.

В груди что-то оборвалось. Сухой, резкий щелчок, словно лопнула струна скрипки в пустом зале.

Нет.

Это невозможно!

Я резко перехватил её другую руку. Холод кожи обжёг ладони, словно я схватил кусок льда, только что вынутый из зимней реки.

Третий раз.

Я ждал. Затаил дыхание, прислушиваясь не ушами, а всем существом, каждым нервом.

Пустота.

Не просто отсутствие звука. Отсутствие бытия. Там, где должен был быть пульс, зияла тишина, которая давила на барабанные перепонки сильнее, чем гром.

Невозможность, от которой мир начал медленно съезжать

куда-то в сторону, теряя краски и очертания.

Я смотрел на её запястье широко раскрытыми глазами, словно оно было предателем. Словно её кожа лгала мне. Словно ещё мгновение — и я обязательно найду этот проклятый удар. Хоть один. Хоть слабый, трепещущий, едва заметный признак того, что она ещё здесь. Что она ещё со мной.

— Эрисалия...

Голос сорвался. Он больше не слушался меня, превратившись в хриплый, ломаный звук, чужой и жалкий.

Я схватил её за плечи. Ткань ночной сорочки скользнула под пальцами.

Я потрянул её в надежде, что сейчас она откроет глаза. Пусть хоть слабо, но откроет. Пусть это будет знак... Пусть будет хоть что-то!

Её голова безвольно качнулась, волосы рассыпались по подушке золотым водопадом.

Я снова потрянул её, но уже сильнее. Её тело почему-то было тяжёлым, инертным, лишённым всякого сопротивления. Сильнее. Ещё сильнее!

— Эрисалия.

Глава 26. Дракон

Крик вырвался из горла, полный ярости и ужаса. Но в ответ — ни вздоха, ни дрожи ресниц, ни малейшего напряжения мышц. Только мертвая, абсолютная податливость тряпичной куклы.

В комнату заглянул Харджес.

— Все в порядке, господин? — произнес он, замерев на пороге.

Дворецкий стоял в дверном проеме, вцепившись побелевшими пальцами в косяк. Его взгляд метнулся от меня к кровати, к её лицу — восковому, серому, застывшему в маске покоя, которого не бывает у спящих.

Дворецкий резко побледнел. Цвет лица его стал таким же мертвенным, как у неё.

— Милорд... — выдохнул он. В этом шёпоте не было вопроса. В нём было то, чего я так боялся услышать.

— Заткнись! Просто заткнись! И доктора! Доктора! — я почти прорычал это, обернувшись к нему. Глаза горели, щёки пылали. — Немедленно! Беги!

Харджес не двинулся, словно прирос к полу. Только смотрел на Эрис. И от этого взгляда — полного тихого страшного знания — внутри стало по-настоящему жутко. Страшно не перед смертью. Страшно перед тем, что я уже опоздал. Что моя гордость украла у нас последние минуты.

— Я посмел... Я... Я вызвал его, как только вы вошли в комнату, милорд. Он в пути, — прошептал дворецкий, сжав губы в тонкую ниточку. Он зажмурился так крепко, словно пытаясь стереть из памяти то, что сейчас видит.

В пути.

Слова повисли в воздухе, бессмысленные и бесполезные.

Я снова схватил её руку. Снова попытался найти пульс. Мои пальцы дрожали так сильно, что я не мог попасть в вену. Я содрал с себя камзол, швырнул его на пол, туда, где лежало её платье. Мне мешала одежда. Мне мешал воздух. Мне мешало всё.

Я ждал хоть один удар. Хоть один толчок крови под моими дрожащими пальцами.

Холод проникал сквозь кожу, поднимался выше, к локтю, к плечу, заполнял меня изнутри.

— Она ведь просто без сознания... — прошептал я, и мой голос звучал неуверенно.

Я говорил это не для Харджеса. Для себя. Чтобы убедить дракона внутри, что жертва ещё дышит. Чтобы остановить панику, которая уже расправляла крылья в моей груди, заставляя судорожно глотать воздух под аккомпанемент бешено стучащего сердца.

Харджес отвёл взгляд. Он посмотрел в пол, на разбитые флаконы, на лужу духов, смешанную с чем-то темным на ковре.

Я резко поднял голову.

— Она без сознания, — прошептал я, чувствуя, как что-то сдавило горло.

Это прозвучало уже не вопросом. Просьбой. Мольбой к старому слуге, который видел меня ребёнком, который помнил ещё мою мать, который понимал законы этого дома лучше, чем я сам.

— Ведь так?

Я поднял на него глаза, полные мольбы, которую стыдно было бы признать даже самому себе. Челюсть свело судорогой. Мне пришлось стиснуть зубы, чтобы втянуть через них воздух. Мне нужен был этот вдох. Нужен был этот ответ. Чтобы мир снова стал понятным. Чтобы всё происходящее оказалось ошибкой.

Молчание.

Оглушительное. Невыносимое. Оно звенело в ушах, давило на виски, сжимало грудную клетку.

Я смотрел на дворецкого. Он смотрел в пол, избегая моего взгляда, словно боялся, что в моих глазах увидит то, во что сам отказывался верить. То, что теперь становилось нашей общей реальностью.

Глава 27. Дракон

— Кажется, доктор приехал, — внезапно встрепнулся дворецкий, и в его глазах вспыхнула надежда.

Харджес закрыл дверь, и я слышал, как удаляются его шаги по коридору.

— Доктор уже здесь, — не знаю зачем, но прошептал я, глядя на ее сомкнутые веки.

Дверь распахнулась с такой силой, что петли жалобно скрипнули, а само полотно ударилось о стену, оставив на обоях вмятину.

В комнату ворвался ветер и запах мокрой шерсти, озона и старого табака.

Доктор был промокшим насквозь. Вода стекала с полей его шляпы, капала с кончика носа, образовывала темные пятна на плечах плаща. Он выглядел так, словно только что выплыл из реки, но в его движениях была только холодная, отточенная годами практика профессионала, привыкшего видеть боль чаще, чем улыбки.

— Где пациентка? — спросил он коротко, стряхивая воду с рукава.

Я не ответил.

Не мог.

Мой язык окаменел. Я лишь чуть разжал пальцы, освобождая запястье Эрисалии, но руку не убрал.

Моя жена лежала там же, где я её оставил. Бледная. Неподвижная. Холодная.

Доктор быстро пересек комнату, его сапоги чавкали по ковра. Мне было плевать на ковер, на то, что здесь ходили только в домашней обуви.

“Только бы он помог!”, — мысленно шептал я, готовый простить доктору все. Я смотрел на него, как на надежду. Но доктор, кажется, не замечал моего взгляда, глядя на Эрис.

Он остановился у кровати. Посмотрел на меня. Потом на неё. И снова на меня. В его взгляде не было осуждения. Было что-то хуже. И это меня пугало.

— Милорд, отойдите, — произнес он тихо, но твердо.

Я не пошевелился. Моя ладонь всё ещё прикрывала её холодную кисть, словно пытаюсь передать ей остатки своего жара, своей жизни, своего драконьего огня.

— Милорд.

В голосе прозвучала та самая усталая настойчивость, которой хочется подчиниться.

— Она без сознания, — повторил я. Голос звучал глухо, как из-под толщи воды.

Зачем я это говорю? Я только что поймал себя на мысли, что хочу убедить себя в этом.

Доктор тяжело вздохнул. Этот звук прозвучал громче грома за окном.

— Хорошо. Отойдите. И мы все выясним! Не мешайтесь, сэр. Я должен ее осмотреть!

“Да... Осмотри... Скажи, что это просто обморок... Скажи, что это нервное истощение...” — мысленно прошептал я, стиснув зубы.

Он присел на корточки рядом с кроватью. Его движения были экономными, лишёнными суеты. Он не стал тратить время на вопросы. Он начал работу.

Сначала сухие узловатые пальцы доктора аккуратно приподняли её веки. Зрачки были расширены, неподвижны, словно два колодца, в которых отражалась огромная черная луна. Доктор посветил туда крошечным кристаллом. Реакции не было. Никакой.

Затем его пальцы, длинные, некрасивые, но бережные, легли ей на сонную артерию. Я затаил дыхание. Ждал. Молил богов, демонов, древних духов — кого угодно, чтобы под его подушечками забились пульсация. Чтобы жизнь вернулась. Чтобы она открыла глаза и назвала меня идиотом.

Это ожидание меня убивало. “Да она прикидывается!”, — пронеслось в голове, когда браслет на ее руке полыхнул красным. Этот раздражающий красный свет вселил в меня надежду.

Доктор придержал пальцы дольше, чем нужно. Потом переместил их к ее виску. К губам, слегка приоткрытым. Он достал зеркальце и поднес его к губам. Я ждал, он ждал, дворецкий, застывший в дверях, тоже ждал.

Все ждали.

Я следил за каждым его движением. За каждым микро-

скопическим изменением выражения лица. За тем, как напряглась челюсть врача, а брови начали хмуриться. Он достал из сумки какой-то кристалл и щипцами положил его на грудь Эрис. Я видел, как кристалл зацепился за кружево ее рубашки.

И снова ожидание. Кристалл остался неизменным. Это хорошо или плохо? Я метался в этой мысли, пока доктор молчал.

Скажи, что ошибся.

Скажи, что это шок.

Скажи, что это обморок.

Скажи что угодно, только не...

Глава 28. Дракон

Доктор медленно поднялся с кровати. Его колени хрустнули. Он снял очки, протер их краем мокрого плаща, хотя стекла были чистыми.

Потер переносицу, оставляя красные следы на коже. И отвёл взгляд. Сначала в потолок. Потом в окно, где дождь барабанил с прежней яростью.

Мне это не понравилось. Очень не понравилось. Эта пауза была слишком длинной. Слишком тяжелой.

— Ну? — слово вырвалось из меня. — Вы скажете, что с ней? Не молчите! Говорите уже наконец! Какие лекарства нужны? Что нужно? Я все оплачу! Я все достану!

Доктор повернулся ко мне. Секунду он смотрел на меня, а я пытался прочесть в его глазах ответ. Его губы разомкнулись, словно он что-то хотел сказать, но не смог.

Он прокашлялся и нахмурил брови.

Только не это. Мир сузился до точки. До этого маленького, жалкого человека в мокром плаще.

— Мне очень жаль, милорд.

— Что жаль? Что с ней не так?!

Я готов был схватить доктора за грудки и трясти его, пока не вытрясу из него, что не так с Эрис!

— Она жива?

Молчание длилось всего секунду. Но мне показалось, что

прошла вечность. Что я успел прожить всю свою жизнь заново, от рождения до вчерашнего скандала перед балом.

— Нет.

Одно короткое слово, которое я даже сперва не расслышал. Просто движение губ.

За окном ударил гром. Или это что-то оборвалось внутри меня. Туго натянутая струна, державшая мою душу в теле. Я не понял, что именно сломалось. Просто почувствовал пустоту. Холодную, звенящую пустоту.

— Что?! Что вы сказали! Повторите! — в моем голосе слышался нетерпеливый приказ.

— Судя по состоянию тела и прочим показателям... ваша супруга скончалась несколько часов назад, — произнес доктор и тут же умолк, опустив глаза.

Скончалась? Она...

Я перевел взгляд на Эрис, чувствуя, как сердце в груди забилося так быстро, так страшно, что перед глазами все потемнело.

— Она умерла?! — взревел я, глядя на доктора, который собирал все обратно в сумку.

— Да, сэр, — едва слышно произнес доктор, повернув голову к Эрис.

Умерла... Моя. Жена. Умерла.

Несколько часов.

Слова не укладывались в голове. Они были абстрактными, чужими, как цифры в бухгалтерской книге.

Нет, нет... НЕТ! Быть такого не может! Она не могла умереть! Не могла!

— Мои соболезнования, сэр, — вздохнул доктор, глядя на меня печальным взглядом. — Я ничего не могу сделать...

— От чего?!! — взревел я. — От чего она могла умереть?!!

— Предположительно, от яда, — сказал он буднично, но в его голосе слышалась болезненная трещина. — «Слеза вдовы». Редкая дрянь. Дорогая. Труднодоступная. Нынче очень модная. А вот это... противоядие...

Доктор молча открыл свой саквояж. Достал небольшой стеклянный флакон с мутной жидкостью внутри. Поставил его на столик возле кровати. Стекло тихо звякнуло о мрамор.

Я смотрел на флакон. Не понимая. Не слыша. Не принимая.

Глава 29. Дракон

— В последнее время этот яд стал довольно распространенным среди... определенных кругов, — продолжал доктор, избегая смотреть мне в глаза. — У него особые, яркие симптомы. Ни с чем не перепутать. Сначала слабость. Потом острая боль в животе, имитирующая колики или отравление пищей. Затем состояние постепенно ухудшается. Очень медленно. Настолько медленно, что окружающие часто не понимают, насколько всё серьёзно. Списывают на женские недуги, на истерику, на капризы. А потом боль становится невыносимой, кровь идет изо рта...

Я смотрел на флакон. Маленький. Прозрачный. Обычный. В нем могло поместиться всего несколько капель. Несколько капель, которые... которые... нейтрализовали этот проклятый яд.

— Особенность этого яда в том, что смерть наступает не сразу, — врач говорил тихо, монотонно, словно читал лекцию студентам. — Иногда проходит несколько часов. Агония долгая. Мучительная. Но у врача есть время вмешаться. У пациента есть шанс. Как видите, противоядие существует.

Я резко поднял голову. Внутри зашевелилось что-то горячее, злое, опасное.

— Так спасите её.

Доктор закрыл глаза. На мгновение. Словно собирался с

силами перед ударом.

— Милорд...

— Спасите её! — рык вырвался из груди, сотрясая ребра. Дракон проснулся. Глаза, я чувствовал, изменились. Зрачки сузились. Воздух в комнате стал тяжелым, насыщенным статикой.

Доктор медленно покачал головой. Открыл глаза. В них не было страха перед моим гневом. Только бесконечная, глухая печаль.

— Вашу супругу уже невозможно спасти, милорд.

— Тогда спасите Эрисалию! — я шагнул к нему, нависая огромной тенью. Я не слышал ничего. Есть она, есть противоядие! Ее можно спасти! А вдруг доктор ошибся? — Делайте что хотите! Режьте! Жгите! Но верните её!

— Я недавно лечил женщину, отравленную тем же самым ядом, — тихо произнес доктор, не открывая глаз. — Мне удалось её спасти. Ввели противоядие вовремя. Она жива.

Я почувствовал, как пальцы сами собой сжались на её руке. Хрустнули кости. Но она не дернулась. Не вскрикнула.

— Почему? — шепот сорвался с губ.

— Потому что она умерла несколько часов назад, — тихо повторил доктор.

В его глазах была какая-то отрешенность. И она меня дико раздражала.

— Мне очень жаль. Но уже поздно.

— НЕТ!

Голос сорвался на настоящий рык, низкий, вибрирующий, от которого задрожали стекла в окне.

— Вы сказали, что её можно было спасти! Вы сказали, что есть противоядие!

— Можно, — доктор смотрел мне прямо в глаза. Спокойно. Жестко. — Если бы помощь оказали раньше. Хотя бы на два часа раньше. Шансы были бы очень высоки. Сердце еще билось бы слабо, но ритмично. Печень не была бы полностью разрушена токсинами.

Глава 30. Дракон

На столе стоял флакон.

Маленький.

Прозрачный.

Я смотрел на него. И вдруг понял.

Это не лекарство. Это что-то страшнее... Это... это...
приговор.

Потому что оно существовало. Потому что спасение было возможным. Потому что она могла жить, если бы я поверил, если бы остался дома, если бы не запер дверь на ключ, если бы вызвал врача сразу, а не после бала.

Если бы.

Если бы.

Если бы.

Эти слова бились в голове, как птицы в клетке, разбиваясь о прутья реальности.

Доктор снова присел возле кровати. Его взгляд, скользнув по моему лицу, остановился на руке Эрисалии. На браслете. Камни сейчас были тусклыми, серыми, мертвыми.

— Я удивлен, что вы не обратили внимания на симптомы,
— заметил он. — Вряд ли леди могла столько времени терпеть такую боль без криков...

Перед глазами вспыхнул вчерашний вечер.

Эрис согнулась пополам возле кресла.

Белые пальцы, вцепившиеся в подлокотник.

Побелевшие губы.

— Мне плохо...

— Хватит.

Воспоминание ударило так резко, что я пошатнулся.

«Что ж ты делаешь со мной!» — задыхался я рычанием, сжимая кулаки. Мои руки трясло.

— Да, она говорила, что чувствует себя неважно, — произнес я, глядя на браслет. — Но на ней фамильный артефакт. Он показывает, когда человек говорит правду, а когда лжет...

— Позвольте... — произнес осторожно, почти благоговейно, взял её руку. Его пальцы были теплыми, живыми. Контраст с её кожей резал глаз.

Он провел пальцами по оправе камней. Нахмурился. Потом еще раз внимательно осмотрел застежку, поднося её к свету догорающей свечи.

Я поднял голову. Боль отступила, сменившись тупым, пульсирующим онемением.

Доктор медленно выпрямился. В комнате стало очень тихо. Даже дождь за окном словно стих, затаив дыхание.

— Милорд...

Он посмотрел сначала на меня. Потом на браслет. И в его глазах появилось нечто, похожее на сомнение. На страх перед тем, что он сейчас скажет.

— Я понимаю трепет аристократии перед фамильными

артефактами, но... что-то мне подсказывает, что браслет просто... сломан.

Глава 31. Дракон

Доктор поднялся с кровати. Шелест тяжелой льняной ткани прозвучал в тишине комнаты как приговор. Белая простыня накрыла её лицо слишком легко. Слишком окончательно. Словно запечатывая склеп, в который меня не приглашали, но в который я уже провалился.

— Нет.

Слово вырвалось не криком, а тихим, ровным выдохом. Абсурдно спокойным.

Врач поднял на меня взгляд. В его усталых глазах плескалась та самая липкая жалость, которую я всегда презирал.

— Ваша светлость...

— Нет.

Я стоял неподвижно, вросший ногами в паркет. Внутри, там, где обычно бушевал горячий, уверенный огонь драконьей крови, теперь разверзлась ледяная пустота.

Я смотрел на накрытое тело и чувствовал не горе, а странное, едкое раздражение. Как будто весь мир вдруг решил участвовать в нелепом, дурно поставленном спектакле, а мне забыли выдать роль.

— Вы ошиблись, — произнес я. Голос был ровным, четким. — Вы наверняка ошиблись!

Доктор снял очки и устало потер переносицу, на которой дужка оставила красный отпечаток.

— Мне жаль, милорд.

— Не нужно меня жалеть!

Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони, но эта боль была единственной, что казалось мне сейчас настоящим.

— Я уверен, что вы ошибаетесь! Она жива! Да, жива! Просто... просто... — я произносил эти слова, понимая, что ее смерть никак не вписывается в картину моего мира. — Просто вы это не умеете лечить! Я... я вызову другого доктора! И я уверен, что он вылечит ее!

В комнате повисла гнетущая тишина. Слуги, столпившиеся в дверном проеме, боялись даже дышать. Харджес стоял у косяка, белый как мел, его руки мелко дрожали, сжимая край ливреи.

Доктор медленно выпрямился, его суставы тихонько хрустнули.

— Ваша светлость. Она мертва. Сердце не бьется. Тепло ушло. Всё... Это конец...

Его вздох, его поджатые губы.

— Нет.

— Я проверил пульс, проверил дыхание, проверил магией. Она мертва!

— Значит, плохо проверили, — упрямо спорил я, поднимая глаза на дворецкого. — Харджес! Быстро вызывай другого доктора! Я уверен, что он может помочь!

Дворецкий направился в сторону двери, но уже в дверях

застыл, глядя на меня.

— Я использовал диагностическое заклинание третьего круга, — спокойно и устало произнес доктор, покачав головой. — Я понимаю, вам тяжело смириться с тем, что ваша супруга ушла в самом расцвете лет.

— Тогда оно неисправно, — прошептал я.

Доктор замолчал. Он смотрел на меня так, как смотрят на сумасшедшего, и я сам слышал, насколько абсурдно, насколько жалко звучат мои слова. Но мысль о её смерти просто не помещалась в голове. Она была слишком огромной, слишком грубой, чтобы протиснуться в реальность.

Она не могла. Не сейчас. Кто угодно, но не Эрисалия.

Не та женщина, которая утром подавилась крошкой печенья и звонко, беззаботно рассмеялась, отмахиваясь от моей ворчливой критики. Не та, что еще вчера спорила со мной из-за оттенка бархата на портьерах, утверждая, что изумрудный «слишком мрачен для спальни, Ильмаар, мы же не в склепе живем». Не та, что вечно разбрасывала книги и кружки по дому, в каждой комнате.

Мертвые не разбрасывают кружки. Мертвые не смеются. Мертвые не пахнут лавандой и дождем.

— Я вызову другого врача, — отрезал я, разворачиваясь к двери. И эта мысль казалась мне единственной верной. — Третьего, если потребуется. Лучшего в столице.

Доктор не сдвинулся с места. Он посмотрел на меня долгим, пронзительным взглядом, а затем тихо, почти шепотом

спросил:

— С чего вы решили, что она жива?

Глава 32. Дракон

Вопрос ударил неожиданно, точно хлыст по лицу. Я открыл рот, чтобы рывкнуть, приказать, раздавить его своим авторитетом. И не нашел ответа.

Потому что ответа не было. Не было фактов, не было логики. Была только уверенность. Упрямая. Отчаянная. Почти безумная.

Мой взгляд метнулся к её руке, безвольно свисающей с края кровати. К золотому браслету. Проклятому. Идеальному.

— Потому что браслет не лжет, — прохрипел я.

Доктор тоже перевел взгляд на украшение. Камни сейчас были тусклыми, серыми, мертвыми, как глаза рыбы, выброшенной на берег.

— А если он лжет?

— Не лжет.

— Вы уверены?

— Да.

Врач тяжело вздохнул, и в этом вздохе прозвучала капитуляция.

— Тогда проверьте его...

Я нахмурился, чувствуя, как внутри шевельнулось раздражение.

— Что?

— Наденьте его сами. На свое запястье.

Несколько секунд я смотрел на него, оценивая, не сошел ли он с ума от усталости. Потом, движимый желанием как можно скорее закончить этот унижительный цирк, я резко протянул руку.

Щелкнула холодная застежка, освобождая ее руку.

Доктор тут же посмотрел на ее красное запястье, на котором был след, словно от ожога.

— Это не просто отпечаток браслета, — прокашлялся он.
— Похоже на магический ожог. Вы уверены, что браслет безопасен?

— Быть такого не может! — прорычал я, видя чудовищный след, которого до этого был спрятан под драгоценностями.

Металл сомкнулся на моем запястье.

Ничего не произошло. Никакого свечения. Никакой реакции.

— Довольны? — бросил я, чувствуя, как на губы наплзает холодная, торжествующая усмешка. Сейчас этот фарс закончится. — Задайте мне любой вопрос, на который вы наверняка знаете ответ!

— Как вас зовут? — спокойно ответил доктор.

Я расправил плечи, чувствуя прилив прежней, ледяной уверенности.

— Меня зовут Ильмаар Гарзар, — произнес я, глядя на браслет.

Вспышка.

Не просто свет. Удар.

Ярко. Ослепительно. Багровым.

Запястье пронзила такая боль, будто раскаленный гвоздь вогнали прямо в кость, пронзая сухожилия и впиваясь в мясо. Это было так неожиданно, что даже я дернулся.

Я резко втянул воздух, издав сдавленный, хриплый звук. Рука дернулась сама собой, но я не смог стряхнуть с себя артефакт. Красный свет погас так же внезапно, как и вспыхнул, оставив после себя фантомный, пульсирующий жар. Это что такое? Он что? Еще и наказывает за ложь? Да быть такого не может!

В комнате наступила звенящая тишина.

Доктор нахмурился, его профессиональное спокойствие дало трещину.

— Что случилось?

— Ничего, — выплюнул я. Слишком быстро. Слишком резко.

Я сглотнул, пытаюсь унять внезапную тошноту. Наверное, случайность. Сбой магии. Да. Просто случайность.

— Я разговариваю с доктором, — произнес я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Вспышка алым.

Боль.

Еще сильнее. Будто кто-то провернул раскаленное лезвие внутри моей руки, выжигая нервные окончания.

Я стиснул зубы так сильно, что в висках загудело. Доктор шагнул вперед, его лицо исказилось тревогой.

— Ваша светлость? Вы как?

Я смотрел на браслет. Не мигая. Дыхание стало поверхностным, рваным.

И вдруг, сквозь пелену боли, в голове всплыла картинка. Ясная, как морозное утро.

Эрисалия. Бледная, как этот саван. Дрожащая, с расширенными от ужаса зрачками. Хватающая за это самое запястье, пытаюсь закрыть багровое сияние ладонью.

Каждый раз.

Каждый проклятый раз, когда она шептала: «Мне больно».

Каждый раз, когда она умоляла: «Поверь мне».

Яд убивал ее. Металл впивался в её кожу. Артефакт жег её заживо. А я стоял рядом, высокий и гордый, и называл это комедией, свято веря в фамильный артефакт. Я заставлял её гореть за каждое слово правды...

— Я... сижу в кресле, — прошептал я, и мои ноги подкосились. Я почти рухнул в ближайшее бархатное кресло, тяжело опираясь на подлокотники.

Красная вспышка ударила мгновенно, стоило мне только пошевелиться. Боль обожгла руку, заставив меня шумно, судорожно выдохнуть. На этот раз скрыть реакцию не получилось. Мои пальцы впились в подлокотник, сдирая дорогую обивку.

Доктор смотрел на меня с нарастающей тревогой, но я уже не слышал его.

— Я же говорил, что браслет неисправен, — донесся его голос, словно из-под толщи воды.

Глава 33. Дракон

Я молчал. Я смотрел на красные камни, которые медленно остывали, и впервые за свою долгую, уверенную жизнь я боялся их. Я боялся этой бездушной, слепой магии, которую возвел в абсолют.

— Вам нужно успокоиться, милорд. В том, что случилось, нет вашей вины. Вы не могли знать...

Есть.

Мысль появилась мгновенно, острая, как осколок стекла в горле.

В этом есть моя вина.

Этот жалкий лекарь просто не знает. Он не знает про тяжелые дубовые двери. Не знает про лязг поворачиваемого ключа в замке. Не знает про мой ледяной приказ не впускать врачей. Не знает, как я бросил ей через порог: «Делай что хочешь», обрекая на медленную, одинокую агонию в темноте, пока сам поехал на бал.

Он не знает ничего. Но я-то знаю правду.

— Браслет был сломан, — упрямо повторил доктор, пытаясь утешить меня.

Слова звучали будто издалека.

Браслет был сломан.

Эта фраза должна была принести облегчение. Снять с меня груз. Но вместо этого она превратилась в яд. Если он был

сломан, значит, она говорила правду. Значит, она умирала у моих ног, а я выбрал верить куску металла.

Я медленно поднял голову и посмотрел на накрытое простыней тело. На неподвижный, ставший чужим силуэт доктора.

И вдруг я услышал её голос, который еще недавно звенел отчаянием в этой самой комнате. Ее последние слова: «Если ты сейчас уйдешь... я могу умереть».

Моя вина есть. Она абсолютна. Она... невыносима.

Доктор что-то тихо говорил слугам, кивая в мою сторону. Харджес, прикрыв рот рукой, беззвучно плакал, его плечи сотрясались, как у побитой собаки. Кто-то вышел из комнаты. Кто-то вошел с тазом и полотенцами. Кто-то шепотом просил подготовить тело к омовению и погребению.

Я ничего не слышал. Ничего не видел. Мир сузился до одной простой, выжигающей душу мысли.

Если бы я остался дома.

Если бы просто вызвал врача, а не карету.

Если бы поверил ей хотя бы один раз.

Она была бы жива. Она смеялась бы сейчас. Она спорила бы со мной.

— ВОН!!! - заорал я, внутри все взорвалось. — НЕ ТРОГАЙТЕ ЕЕ! НЕ СМЕЙТЕ ПРИКАСАТЬСЯ К НЕЙ!

Я выхватил тазик и швырнул на пол, стянул с ее лица простыню и замер, видя, как расплывается ее лицо перед моими глазами. —

— Вон, - выдохнул я, видя, как служанки поспешно выбегают из комнаты, на ходу подхватывая с пола таз.

Через несколько минут комната опустела. Дверь тихо щелкнула, оставляя внутри только двоих.

Я сидел в кресле, сжимая в руке ключ от этой комнаты, и впервые за долгие годы герцог Гарзар понял, что такое настоящее, абсолютное одиночество.

Я хотел сказать себе: «Она умерла!». Но вместо этого прижал руку к губам, не давая этим словам вылететь из моих губ, словно тогда они точно станут реальностью.

Драконья кровь внутри меня, обычно горячая и уверенная, сжалась в мертвый, ледяной ком. Я владел землями, золотом, жизнями. Но сейчас, стоя над собственной женой, я понял, что я ничего не могу сделать.

Я проглотил ком боли, застрявший в горле. И от напряжения на глазах выступили слезы. Теперь я осознавал, что ее нет. Ее больше нет, но я гладил ее руку, глядя на нее сквозь слезы. Я пытался согреть ее ладошку. Но не мог. Она тут же теряла тепло.

Странная мысль вдруг заставила меня дернуться. Если бы сейчас мне сказали: «Мы вернем твою жену, если ты выйдешь на улицу и убьешь кого-нибудь», то я бы... я бы это сделал.

Я судорожно вздохнул. Сделал бы. Я был даже готов уничтожить половину столицы, если бы мне сказали, что это вернет ее.

Глава 34

Я уже заметила странную вещь.

Время для мертвых не течет. Оно застывает, густеет или исчезает вовсе, оставляя после себя лишь звенящую пустоту. Я не дышу, поэтому не могу считать секунды вдохами. Я не чувствую холода, хотя утренний сквозняк, пробравшийся через щель в раме, должен был неприятно холодить кожу.

Мне казалось, что я отсутствовала всего мгновение с того момента, как услышала его крик:

— **ВОН!!! НЕ ТРОГАЙТЕ ЕЕ! НЕ СМЕЙТЕ ПРИКАСАТЬСЯ К НЕЙ!**

Я скользнула сквозь массивную дубовую дверь, пролетела по гулким, выложенным мрамором коридорам, заглянула в библиотеку, прошла по зимнему саду, где увядающие папоротники тянули свои бледные листья к серому свету. Туда, где еще вчера я была живой. Где я спорила, смеялась и задыхалась от боли.

А потом я вернулась обратно в свою спальню. Хотя спорный вопрос, моя она теперь или нет? Я ведь все-таки... умерла, получается? Разве что-то может принадлежать мне в этом доме? И вообще странное ощущение. Меня никто не видит, не замечает. Но стоит пролететь сквозь человека, он почему-то замирает и начинает водить плечами.

Собственно, это все, что я могла делать.

В моей спальне ничего не изменилось. Абсолютно ничего, кроме того, что мир потерял свои краски и выцвел.

Ильмаар все так же сидел в глубоком кресле у изголовья кровати. Он не двигался. Не спал. Не переводил взгляд с моего безжизненного тела, на которое мне самой было страшно и неприятно смотреть.

Герцог превратился в каменную статую, но, в отличие от мрамора, от него исходило удушающее, искажающее воздух тепло.

Драконья кровь не давала ему замерзнуть, но она же и пожирала его изнутри. Воздух вокруг его плеч дрожал, как над раскаленным асфальтом той далекой, чужой жизни, которую я когда-то потеряла на остановке, спеша на работу.

Я не чувствовала его запаха. Я вообще, кажется, не чувствовала запахов. И это делало мир каким-то... пустым.

Правая рука мужа сжимала латунный ключ. Тот самый, которым он запер меня здесь. Пальцы были белыми, костяшки выступали под кожей, как острые камни.

Металл впился в плоть так глубоко, что на тыльной стороне его кисти вздулась темная вена. Я видела, как из-под ногтя медленно, неохотно выступила капля густой крови и поползла вниз, оставляя на коже след.

Я могла бы почувствовать ее соленый, железистый запах, если бы у меня остались легкие.

Дверь осторожно, почти бесшумно приоткрылась. На пороге возник Харджес. Старик выглядел так, будто постарел

на десятилетие за одну эту ночь. Его плечи ссутулились, тень на полу, казалось, съежилась под его лакированными туфлями.

Он долго смотрел на хозяина, и в его глазах читалась та особая, выстраданная преданность, которая всегда была хуже любого открытого осуждения.

— Ваша светлость, — тихо, с мягкой горечью надежды произнес он.

Тишина в ответ была плотной, осязаемой.

— Ваша светлость, уже утро...

Голос Харджеса был едва слышным. Я помню, как он сидел в одной из комнат, в одиночестве, и сминал в руках белые перчатки. Его руки дрожали, а он просто шептал сам себе.

— Я ведь... я ведь мог ее спасти... Ослушаться приказа хозяина... Выломали бы дверь... Вызвали бы доктора... — шептал он едва слышно, раскачиваясь в кресле. — Просто нужно было один раз послушаться приказа... Один раз... Какой-то один раз за все годы безупречной службы... Кто ж знал...

И сейчас Харджес стоял на пороге комнаты. Он не осмеливался перешагнуть через порог и войти.

— Солнце встало...

Ильмаар не пошевелился.

— Вам необходимо отдохнуть, милорд. Вы не спали всю ночь, — треснувшим голосом произнес дворецкий, глядя на

неподвижный черный силуэт, застывший в комнате. Так с виду и не скажешь, кто из нас больше мертв. Я или он.

— Нет.

Хриплый, разрушенный голос прозвучал неожиданно, словно скрежет камня о камень. Я вздрогнула, хотя у призраков не бывает рефлексов. Харджес тоже дернулся.

— Милорд... — в голосе дворецкого послышалась мольба.

— Нет.

Дворецкий сглотнул, его кадык болезненно ходил под воротником. Он смотрел на меня, на мою бледную, восковую кожу, на запекшуюся каплю крови в уголке рта, которую никто не удосужился стереть.

— Госпожу необходимо подготовить к омовению и погребению. Ритуал требует... Я... посмел нарушить правила дома и... распорядился о подготовке к похоронам. Нужно, чтобы вы выбрали цветы и платье для нее... Или я... я сделаю это сам, как вам будет угодно.

В комнате стало тихо. Очень тихо. Даже дождь за окном, казалось, затаил дыхание. Я увидела, как напряглись широкие плечи Ильмаара, как под тканью камзола заходили желваки.

— Нет.

— Милорд, ну скажите же что-нибудь кроме «нет». Нам нужно... эм... соблюсти традиции рода Гарзар и похоронить ее в фамильном склепе, а я вот не знаю... — дворецкий не

договорил. Голос его дрогнул.

— Мне плевать на наши традиции.

Глава 35

Харджес побледнел. Я удивленно моргнула. За время нашего брака я ни разу не слышала, чтобы Ильмаар произнес подобную фразу. Никогда. Ни о чем. Для него родовые устои были священны и нерушимы.

— Ваша светлость, тело нельзя оставлять без подготовки. Это неуважение к...

Ильмаар медленно поднял голову. Я впервые увидела его глаза после того, как он вернулся из этого кошмара. И невольно отшатнулась, повиснув в воздухе.

Они были пустыми. Совершенно. В них не осталось ни гнева, ни высокомерия, ни той уверенной, хищной искры, которая всегда заставляла меня замирать. Там была только выжженная дотла пустота.

— Она никуда не пойдет, — произнес он. Голос был тихим, но в нем вибрировала такая угроза, что у меня по спине пробежал бы мороз.

“Пойдет!”, — пронеслось в голове. Он говорил обо мне, как о живой. Он что? Сошел с ума?

Харджес замер.

— Милорд...

— Она останется здесь. Я не разрешаю ей никуда идти!

— Госпожа умерла, — прошептал он, опустив голову.

Зря. Он произнес это зря.

Я даже не успела отследить движение. Только что Ильмаар сидел, прикованный к креслу собственной апатией, а в следующую секунду он уже стоял. Резко. Стремительно. С той нечеловеческой, плавной скоростью, которая всегда выдавала в нем зверя.

От всплеска драконьей магии жалобно звякнуло стекло в окне. Температура в комнате резко подскочила. Обои у камина начали тлеть по краям, скручиваясь в черные, хрупкие трубочки.

— Не произносите этого слова, — прорычал он, сжимая кулаки.

Харджес попятился, его лицо стало цвета мела.

— Но...

— Не смей!

Я видела, как дворецкому физически трудно дышать, как он хватал ртом воздух, словно его горло сдавила невидимая рука. Но упрямый старик не уходил. Он стоял на своем, защищая не только традиции, но и самого герцога от его же безумия.

— Милорд, прошу вас. Позвольте мне исполнить мой долг, — его голос был мягким, почти отеческим.

Ильмаар смотрел на него несколько долгих, невыносимых секунд. В его взгляде боролось что-то темное и древнее с хрупкой, треснувшей человеческой оболочкой. Потом он медленно, будто силы внезапно покинули его, отвернулся и снова тяжело опустился в кресло. Снова стал неподвижным.

Только ключ в его руке теперь сжимался с такой силой, что металл, казалось, вот-вот лопнет.

— Тогда стойте молча, — прошептал он, а его взгляд скользнул по фигуре дворецкого. — И не смейте прикасаться к ней.

Харджес долго смотрел на него. Потом глубоко, с достоинством поклонился и вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

Я осталась наедине с человеком, которого еще вчера ненавидела всей душой за его гордую жестокость.

Глава 36

Наверное, я должна была испытывать злорадство. Удовлетворение. Я же репетировала эту сцену в своей голове, пока задыхалась на холодном полу: вот он поймет, вот он сломается, вот он будет ползать у моих ног, умоляя о прощении, осознав, какую ошибку совершил. Разве не этого я хотела? Разве не мечтала, чтобы он наконец увидел правду?

Я парила над ковром, не касаясь ворса, и смотрела на его осунувшееся лицо. На глубокие тени под глазами, похожие на грязные синяки. На то, как его грудная клетка поднимается рывками, словно каждый вдох дается ему через битое стекло. На ключ, который он сжимал, как единственную нить, связывающую его с реальностью.

И вдруг я поняла странную, тошнотворную вещь.

Он ни разу не посмотрел на браслет.

Ни разу. С тех пор, как вошел в комнату. Золотая удавка с потускневшими, мертвыми камнями лежала на столике, как насмешка, как вещественное доказательство его преступления.

Но он боялся его. Он отводил взгляд, словно не мог заставить себя посмотреть на вещь, которая разрушила его мир. Впервые в жизни великий герцог Гарзар боялся куска металла.

— Хорошо тебе, да? — тихо спросила я в пустоту.

Мой голос не заставлял воздух колебаться от дыхания. Мне казалось, что он существовал только в моей голове, эхом отражаясь от стен моего собственного сознания.

Он не ответил. Конечно, не ответил.

— Теперь ты все понял? Теперь веришь?

Молчание. Только монотонный стук дождя. Только ветер, воющий в трубе, словно призраки, о которых я думала прошлой ночью. Только мужчина, сидящий возле тела своей жены, которую он собственноручно оставил умирать.

И почему-то от этого зрелища становилось все труднее злиться. Гнев, который грел меня последние часы, выветривался, оставляя после себя лишь холодный пепел. Я ненавидела его. Я должна была ненавидеть его за каждую секунду этой агонии, за каждый удар браслета, за поворот ключа в замке.

Но вместо ненависти внутри росло другое чувство. Тяжелое. Горькое. Непрошеное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.